

Андрей МАЛЫШЕВ

*Номинант на Нобелевскую премию
в области литературы*

ПОЗНАВАЯ ИСТИНУ

ИЗБРАННОЕ

Москва 2018

Андрей Малышев

Познавая Истину. Избранное

«Издательство «Перо»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мальшев А. В.

Познавая Истину. Избранное / А. В. Мальшев — «Издательство
«Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-733-5

Уважаемый читатель! Перед Вами книга, в которой с современной, понятной абсолютно всем точки зрения рассмотрены никогда не теряющие актуальности, силы влияния на людей и их души вещи: готовность совершить подвиг, человечность, искренность в верованиях, идеалы нравственности. Эта книга и её автор, номинант на Нобелевскую премию в области литературы Мальшев А. В., выступают за сохранность понятий мужественности, правдивости в изложении истории, ведь в современном мире людям так легко сбиться с верного пути и потеряться в водовороте множества событий, происходящих вокруг, политических интриг и навязывания самоназванной «элитой» лживых образов ведения жизни.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-733-5

© Мальшев А. В., 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Аннотация	6
Гражданин Неба	8
Родина (Родом из детства)	11
Монах	15
Елена прекрасная	16
Лена	26
Ангел	28
Преображение	30
У костра	32
Бантик	39
Ефрейтор Сушёный	40
Бабуля	42
Щука	44
На Саланге-реке	47
Акула	49
Айк	51
Кузьминична	55
Тишина	60
Долг	64
Малолетки	68
Постовой	71
Пристав	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Малышев

Познавая Истину: Избранное

*Посвящается
Маме Лии Вячеславовне и Папе Валентину Николаевичу
Малышевым*

Номинант на Нобелевскую премию в области литературы

1963

БОГ есть ЛЮБОВЬ!

Аннотация

Уважаемый читатель! Перед Вами книга, в которой с современной, понятной абсолютно всем точки зрения рассмотрены никогда не теряющие актуальности, силы влияния на людей и их души вещи: готовность совершить подвиг, человечность, искренность в верованиях, идеалы нравственности. Эта книга и её автор, номинант на Нобелевскую премию в области литературы Малышев А. В., выступают за сохранность понятий мужественности, правдивости в изложении истории, ведь в современном мире людям так легко сбиться с верного пути и потеряться в водовороте множества событий, происходящих вокруг, политических интриг и навязывания самоназванной «элитой» лживых образов ведения жизни.

Книга русского писателя Малышева Андрея Валентиновича «Познавая Истину» – это сборник избранных произведений автора, написанных им на протяжении многих лет. Сборник объединяет в себе разные по жанру составляющие; вы сможете найти в нём рассказы, эссе, новеллы, повесть, притчу... Даже необычный для многих жанр, созданный самим автором и так точно названный им же, – роман-предупреждение! Но вне зависимости от формы изложения, произведения наполнены яркими самобытными образами и пропитаны уникальной атмосферой.

Красной нитью через всю книгу прослеживается идея духовного единства Русского Народа. В современном мире понятия «духовность» и «духовное развитие» потускнели, утратили свою первоначальную суть, так же, как и ценность исторически сложившихся нравственность устоев. Однако автор помогает придать им новые краски, наполнить их новым смыслом, понятным любому современному человеку. Так в открывающем сборник эссе «Гражданин неба» эмоционально повествуется о проблемах современного гражданского общества в России с точки зрения именно Любви к Богу. Автор рассуждает о милости Отца нашего Всевышнего, задаёт самому себе и читателям самые насущные вопросы, пытаясь найти Бога во всём: от политики до праздной жизни элит. Вывает осмотреться вокруг себя и заглянуть в глубины собственной души, чтобы найти в ней Любовь, Сострадание, Мужество, способность совершить Подвиг.

*Куликова Д. А.,
редактор издательства «Перо»*

*Уважаемый Андрей Валентинович!
С интересом прочитал Вашу книгу.*

По этому образцу Вашего творчества чувствуется, что Вы обладаете очень неординарным и самобытным литературным дарованием. Подкупает искренность, желание утверждать светлые идеалы, показывать правду современной российской жизни через яркие и типичные для нашего времени человеческие образы и характеры.

В общем, мне, как читателю, Ваша проза понравилась.

Благодарю Вас за верность нашей партии и за то, что своими произведениями, в сущности, помогаете нам утверждать идеалы нравственности, справедливости и духовности. От души желаю Вам крепкого здоровья, добра, благополучия и больших творческих успехов!

Председатель Политической партии

СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ,

*руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе
Федерального Собрания Российской Федерации*

С.М. Миронов.

Уважаемый Андрей Валентинович!

Благодарю Вас за книгу, в которой Вам достоверно удалось изобразить настоящие примеры мужества и самопожертвования во имя светлых понятий, значимость которых в настоящее время часто несправедливо смазывается и осмеивается.

Также как и Вам, мне видится, что в периоды потрясений, когда нашу страну лихорадит, всегда появляются и будут появляться люди готовые на подвиг.

Позвольте от всего сердца пожелать Вам благополучия, здоровья и удачи!

*С уважением,
Генеральный директор
Киноконцерна «Мосфильм»
Кинорежиссёр
К.Г. Шахназаров.*

Уважаемый Андрей Валентинович!

Благодарим Вас за понесённый труд повесть «Истина лейтенанта Соколова»: ярко изложенное художественное произведение.

Желаем Вам помощи Божией и всяческих благ!

Храни Вас Господь!

*С уважением,
Московская Патриархия.*

Уважаемый Андрей Валентинович!

Очень горжусь тем, что Вы – наш соотечественник, выдвинуты на соискание Нобелевской Премии в области литературы. Желаю вам удачи! И уже этот факт говорит о том, что Вы Нашли себя в профессии и призвании! Очень рада за Ваши успехи!

Всего Вам самого доброго!

*С уважением,
телеведущая Ольга Марами*

Гражданин Неба Публицистическое эссе

Мысли полёт, вот где свершение!

Мысли полёт – вот красота!

Вот говорят, выборы скоро...

И начинают у нас в России-Матушке «просыпаться» «патриоты», и те, что справа, и те, что левизной грешат.

Мол, выбери меня – несменяемую птицу счастья завтрашнего дня!

Сразу скажу, что я не самый большой поклонник «-измов», хотя обновлённый социализм мне ближе по душе.

Но только при условии, если он **НАСТОЯЩИЙ**.

Не Царствие Божие, конечно, но всё же...

Вот многие говорят про справедливость, про кремлёвский список, что мол будет справедливо объединиться с сильными и властями мира сего.

А так ли это?

Можно, конечно, ехидно ухмыляться, мол, я в своё время чёрную икру, омаров и лангустов с ними не наворачивал, на дорогущих яхтах море не бороздил, так чего же мне с ними «единниться»?!!

Да и в Гаагу, скажем прямо, путь у каждого свой...

Или вот, показывают на очередного чиновного олигарха во власти и кричат, как слепой Вий, которому дали наконец-то зрение: «Вот он! Ату его, бери его, робята!»

Мол, справедливо это. Защитники власти же вопят в ответку: «Ну как же брать, без него же Рассея рассыплется, да и несправедливо, один он что-ли такой на нашей Матушке-России уродился?!»

Да, не один. Много их, и легион имя всем им, служащих и раболепствующих перед ним. И не уродился, а стал **ТАКИМ**.

Добровольно.

Коротко замечу для него, ну почему делам твоим противиться Господь?!!

В самом деле-почему?!!

Да потому, что дело твое разошлось со словами твоими, и Правды в делах твоих больше нет!

А по справедливости так скажу.

Справедливо это, когда население самой богатой страны в мире собирает своим больным и умирающим детям деньги на лечение за границей по телефонным СМС или сбрасывается на дрова старикам, живущим в умирающих холодных русских деревнях.

Справедливо это?!!

Вот почему богатый паразит Царствие Божие не наследует, и даже ближние его подлежат наказанию.

И милосердно ли поступает чиновный олигарх, выводя в очередной крысиный офшор «свои» уворованные от детей России деньги, не забывая трещать при этом про современный патриотизм, особенности России, и идеи объединения с ним обворованного же им самим россиянина?!!!

Или есть ли любовь у депутатов Государственной Думы, у чиновников Совета Федерации с охотой голосующих за любой закон, подкинутый им кремлёвской администрацией и явно ухудшающий жизнь людей?!!

О какой любви и единении идёт речь, если отдельные чиновники при реальной зарплате и пенсии рядового россиянина в 10–15 тысяч рублей, получают в день до 5 миллионов рублей?

А депутаты?!!

Не стыдно вам иметь доходы в сотни раз превышающие реальные зарплаты и пенсии в России?!!

Про какой патриотизм и для кого вы поёте?!!

Вы хоть понимаете, кому продали душу вашу и кто спонсор ваш, тот, чьи дни на земле уже сочтены.

Вот поэтому верно сказано про тех, служащих злу, кого хочет наказать Бог, как о лишённых рассудка. И истинно молвлено об Ангелах – добрых Пришельцах с Неба.

Верно это, как и то, что попирающие Победу сорок пятого, глумятся над детьми и внуками Победителей, грабя Державу безудержно!

Не смей приватизировать Победу и обесценивать ее!

Вот говорят, Крым наш.

Ну, наш, успокойтесь, пожалуйста.

Вот те, кого в России презрительно кличут либералами, бают, что мол, агрессия была, нехорошо всё это.

Была?!!

А с другой стороны, правильно ли, что Крым воссоединился с Россией.

Правильно?

Но посмотрите, пожалуйста, шире, братья мои, россияне и украинцы, и выше, если взор ваш не замутнён не прошедшей ещё обидой и горечью поражения.

Вспомните, ведь Отец наш Всевышний хоть и скрепя сердцем, но говорил, скажу это простыми словами, дабы всем понять и уразуметь: «Если же жена думает разводиться, дай ей разводное письмо, пусть уходит, чтобы не пролилась кровь, но, при этом знай, что тот, кто живёт с ней – прелюбодействует, равно как и отпустивший её и живущий с другой».

Поговорим о героях.

Много их настоящих или показушных?

Тех, с топора которых стекала безвинная кровь или неизвестных, тех, кого отметил сам Господь?!!

Что ещё?

Вот говорят, кумиры мира сего, такие как Аллен Делон, красавчик и киноковбой, что, мол, невозможно жить в мире без настоящих истинных героев.

А мы, граждане века грядущего, мы, что сделали мы, чтобы исправить мнение того, формирующего мнение тех, кто живёт сейчас?!!

Гутарят вот об истине, не понимая даже о чём говорят.

Вот появись Господь, и Его заставят заплатить, если словом своим Он пожелает спасти всех!

Или спортсмены, едущие на очередную олимпиаду за своим «баблишком» под предательским белым знаменем.

Где ты, Мать-Россия, очнись! Ибо самые худшие олицетворяют имя твоё и прикрываются тобой!!!

Лучшие ли – «элита» знамени твоего указуют на самых худших и бездарных!

Очнись, Мать!

Ибо уроды захватили нас и паразитируют на имени твоём Святом.

Многие говорят о святости.

Сразу вам скажу, никто не свят, кроме как Единый Бог, и Тот, кого Он в Праведности своей и Любви назовёт святым!

Так что, братцы, ни Патриарх, ни Служитель Римский не святы подобно Богу, ибо Славы своей им Он не даст.

Это точно, как и Царствие Божие внутри вас есть, а не в жилищах каменных или деревянных, построенных в суетности вашей для Него.

Ибо Бог живёт там, где хочет!

И живёт Он в Святых Своих, говоря с людьми делами своими, преобразуя мир постоянно.

А Славу же Его наследуют Дети Его – Граждане Неба, те которые любили и не жалели себя ради Имени Его Святого и ближних своих, жертвуя собой в праведности любви, таким образом ИЗМЕНЯЯ мир в лучшую сторону, становясь Со-Творцами Отца Своего.

Ибо сразу скажем, что Истина одна – Любовь, ибо высшее имя Всевышнего таково, и пребывающий в Любви в Боге пребывает.

Человек же, наделённый правом выбора всегда может решить для себя кто он – сын Адама или Божий Сын?

Если Адамов, то наследует тень прошлогодней травы, если же Божий, то Славу Всевышнего восхищает Он, и многое будет дано Ему.

Можно знать разные тайны, такие как число имён Всевышнего – 72, и число Сына Человеческого – 27, и как именно выглядел Святой Дух – огненный светоносный шар с крыльями, подобно голубю, сошедший с Неба на Возлюбленного Моего и Нашего Христа. Да сбудется реченное Бенедиктом Шестнадцатым!

Ибо Бог Един и Один, и являя себя разным религиям и верам, Он являл себя так, что каждый видел Его по-своему.

Но все эти тайны НИЧТО, если не имеешь Любви и её сторониться!

Вот поэтому каждое дело обречено на тлен свой, если не имеет объединяющей Силы, которая от Бога исходит – Любви.

Вот и будьте Гражданами Неба, ибо Царствие Божие ни для кого не закрыто, а не пленниками этой временной жизни, что в вас протекает.

Каждый, кто восхочет и приложит силу да будет Гражданином Неба Святого и Любовь Божия в нём воссияет!

Ибо Любовь – Имя Божие и с Ним – ПОБЕДИМ!!!

Русский писатель, Номинант на Нобелевскую Премию в области литературы, Андрей Малышев.

Родина (Родом из детства) Рассказ

Я уже стал забывать, когда это было.

И память всё чаще тербит меня, словно бы спрашивая: а было ли?

Но было, правда, было.

Помнятся рыбацкие зорьки, дышащие медовым разнотравьем заливных лугов, и просиживание на ароматно пахнущих древесной смолой плотях – бонах, тех самых, подогнанных на буксирах по Сухоне-реке к берегу деловитыми речниками на неспешно идущих по чистой воде речными тягачами «РТ», из динамиков которых несло раздольное и гремящее над рекой «Ох, как хорошо-хорошо!».

Помнится, стояли такие плоты и у нас в районе Печаткино нашего небольшого пятидесяти тысячного города Сокол, что на Русском Севере Вологодской области. Стояли эти плоты у самого берега напротив деревянных, по сути, деревенских домиков, смотревших окнами на реку. Между берегом и плотами, как правило, находилось расстояние четыре метра и по брёвнам-мосткам рыбацки, идя в «атаку» на рыбу, штурмовали эту временную, зачастую ненадёжную переправу.

Среди рыбацков своим внешним колоритным видом выделялся пожилой рыбак «Бешеный Серёжа», как его называли рыбаки. Старый инвалид той самой страшной войны, участвовать в которой доводилось многим нашим дедам и близким.

Как-то я спросил его: – Дядь Серёж, а почему вас называют бешеный?

Старый рыбак, пере забрасывая уду, как-то по-своему, блаженно улыбаясь, простодушно изрёк: – Да не я себя так назвал, а соседи-рыбаки, видя, какой клёв у меня бывает – бешеный!

И действительно, на плоте, густо облепленном, словно птичками, рыбаками с удочками, донками и подпусками, клевало в основном у «Бешеного Серёжи», который то и дело выдёргивал довольно-таки крупную и разнообразную рыбёшку из таинственно поблёскивающих вод Сухоны. Другие рыбацки, что соседствовали с ветераном, довольствовались стандартным бесклёвьем, с завистью поглядывая на серебристую рыбку, то и дело снимаемую с крючка старым рыбаком. Чтобы не мешать, я отошёл в сторону и, уединившись, забросил свою удочку в водный прогал между берегом и плотом. К счастью рыбаков «Бешеный Серёжа» освободил своё клёвое место и неожиданно подошёл ко мне, расположившись поблизости. Учитывая, что у меня не клевало, я был рад такому соседству.

– Не помешаю? – обратился ко мне старый рыбак, – Не против моей компании?

– Нет, что вы, – смутился я, – располагайтесь, вон сколько места ещё свободного.

– Спасибо, – коротко поблагодарил меня ветеран и спросил, – как звать-то тебя, паря, величать?

– Андрюха, – робко представился я и отчего-то, по-предательски так, покраснел.

– Да не робей ты, паря, – добродушно улыбнулся «Бешеный Серёжа», явно увидев во мне не только мальчугана, но и собеседника, – давно я подметил, что ты по утрамке со мной по соседству рыбалишь, молодец, хорошее это дело – рыбалка!

– А то! – горделиво согласился с ним я, – Рыбалка поинтереснее чтения Фенимора Купера бывает!

– Согласен, – кивнул мне по-приятельски так пожилой рыболлов и затем, словно бы, спохватился, – постой, паря, вот я с тобой баю, да баю, а ты, чай, голодный, не завтракал небось?

Несмотря на все мои робкие и уважительные отказы, старый рыбак уверенно достал свою нехитрую снедь: несколько бутербродов с колбасой, зелёный лук, варёные яйца да две неболь-

шие бутылочки с каким-то домашним компотом. Поделив по-братски свой завтрак на двоих, мой товарищ по рыбалке уверенно протянул мне мою долю:

– Кушай, паря, а то худющий, как грач! Смотри, какая жератушка то нажористая! Рыбалка – это работа, не токмо отдых, а коли робишь, то и есть должен.

Взяв предложенный завтрак, я коротко поблагодарил своего старшего товарища.

– А вообще-то, Андрюша, – нарушил недолгую паузу старый рыбак, – правильно делаешь, что рыбалишь! Сам-то я родом с деревни Казариново, что на Сухоне стоит, сейчас там тоже такие же плоты речники гоняют, а рыба там – загляденье! Лещи там крупные, не чета здешним, одно слово – Кубеноозеро рядышком, а там рыбы много! Да и вода там чище, хотя и здесь ещё не так плоха.

С этими словами мой старший наставник зачерпнул в ладони чистую воду матушки Сухоны-реки и с наслаждением испил её всю, до последней капли.

– Да, хороша водица, – улыбнулся ветеран, затем немного помрачнел, – правда вот заводы и комбинаты портят её, но может быть уразумеют люди, что нельзя губить то, что дано нам свыше!

– Дядь Серёж, – не утерпел я, – а в город вы давно перебрались из деревни, и вообще, как она жизнь деревенская?

– После войны, Андрей, – степенно отвечал старый рыбак, – после её, проклятой, и перебрался в город, хотя сейчас жалею об этом. Ну как тебе сказать? Ой, как не хватает мне порой нашей деревенской жизни, ранних утрешних покосов по юной росе, пения ленивых позаутрешних деревенских петухов, запаха русских полей, лугов, лесов, реки и озера, и всего того, что неуловимо, но правильно зовётся Родиной. Понимаю иногда, что снявшись, как птица, со своего гнездовия, утратил я какие-то истоки старой силы, которая во мне была. Хотя, вестимо, сила в другом есть.

При этих словах старик выразительно посмотрел на небо и замолчал.

Стало жарко и июльское солнышко, ласково пригревая, заставило нас снять свои рубашки, словно бы говоря «Позагорайте, ребята!».

Посмотрев на пожилого рыбака, я содрогнулся: по всей его обожжённой и сгоревшей спине ужасными рубцами белели незаживающие раны той самой страшной войны.

Перехватив мой взгляд, старый рыбак печально улыбнулся:

– Не пугайся, паря! На Курской Дуге в танке пришлось гореть, бой был страшным! Когда кончались снаряды, ребята таранили «тигры» и «пантеры», и горели, горели...

Ветеран отвернулся от меня, и мне даже показалось, что одинокая слеза сиротливо блеснула на его щеке. Впрочем, отставной танкист быстро взял себя в руки, стряхнув не прошенную слезинку.

– Помнишь, – заговорил со мной, словно бы преодолевая себя, старый ветеран, – недорассказал тебе, почему уехал из деревни в город, так вот, слушай... Была у меня до войны зазнобушка любимая там, Шурочка... Баская такая, одно слово – красавица! Ох, сживали мы с ней на реке, и дролюшкой единственным она меня называла. Все туманы и рассветы, все утрешние и заутрешние певуны-соловьи, все были наши, уж и в сельсовет заявление подали, чтоб расписаться... А тут она, проклятая... война...

Помолчав немного, старый танкист горестно вздохнул. – Так получилось, – после недолгого молчания продолжил свой грустный рассказ ветеран, – что после того, как я ушёл на фронт, так и моя Шурочка записалась в медсанбат... Так вот, когда горел я в той самой «тридцатьчетвёрке», после того как «тигр» на таран взяли, смотрю, в кабине всё плавится, всё горит, а ребята из экипажа... Все до единого... Короче, один я из нашего экипажа остался... Вылез из танка, к нашим ползу, а всюду бой! И вдруг, словно бы из ниоткуда, сестричка наша милосердия, меня увидев, сразу же ко мне, укол вколола, бинтами кровь остановила... Посмотрел на неё и радостно содрогнулся: то ж Шурочка моя!

Ветеран посмотрел на меня и улыбнулся, вспоминая: – Обнялись мы с ней, и стала она значит меня на себе вытаскивать, потому что я и ползти-то как следует не мог... И вдруг «ишак» – фашистский реактивный миномёт накрывать нас стал, и Шурочка... короче, накрыла она меня собой, и все осколки, те, что мне предназначались, на себя приняла... Так-то вот, паря... А меня спасли, хотя лучше бы... Вот и не смог я жить без неё в нашей деревне, где всё бы напоминало о ней, так вот в город и перебрался...

Я заметил, как старый рыбачёк достал из своей рыбацкой сумки кусок хлеба и стал подбрасывать его в воду как прикормку рыбам и чайкам, налетевшим на дармовое угощение. Неизвестно откуда к нам прилетел и сел на плоты белоснежный голубь, который воркуя, пел нам свою простую и душевную песню. Выслушав бесхитростную песню белокрылого красавца, старый танкист накормил хлебом и голубя, и счастливо как-то улыбнулся. Тем временем, глянув на удочки, я заметил, что поплавок удочки ветерана неведомая рыба утянула на глубину, впрочем, это заметил и мой старый напарник, который подсёк и вытащил крупного горбатого, явно озёрного, килограммового окуня!

Наша рыбалка продолжилась!

– Скажите, в чём ваш секрет? – не утерпев, спросил я старого рыбачка, у меня под носом вытаскивающего на удочку одного за другим крупных подлещиков, – Может червя чем-либо смазываете, или слово какое заговорное знаете?

Старый рыбак хитро улыбнулся в свои усы и бороду, перезабрасывая удочку.

– Хорошо, – нарушил ветеран войны и рыбалки своё недолгое молчание, обращаясь ко мне, – что ты видишь?

Я недоуменно посмотрел на него. Действительно, что я вижу?

Я посмотрел на поплавок, белеющий яркой точкой на зеркальной глади воды, в которой, кажется, отразилось всё: и растущие на берегу плакучие ивы, грациозно целующиеся своими ветвями с неспешно бегущей серебристой водой, и белоснежные облака, и деревенские избы, отражённые в таинственной глади воды.

Что я видел?

– Красоту, – робко и восхищённо ответил я старому рыбаку, – я увидел красоту!

– А что это? – улыбнулся старый рыбак, – как бы это ты иначе назвал?

Взглянув на расходящиеся круги от гуляющей рыбы у моего поплавка, я предположил: – Красивое место, в которое хочется возвращаться вновь и вновь, и которое запомнится навсегда!

– Родина это, парень, – с какой-то нездешней грустинкой дал определение всему тому прекрасному, что я и он сейчас созерцали, – просто родина, твоя земля., место, где ты родился, где род твой. Там, где тебе хорошо, где тебя всегда ждут, где сердце и душа твоя, там и родина твоя!

– Это я понял, – согласился с ветераном я, – а в чём ваш секрет?

У старого рыбака клевало: его поплавок внезапно лёг на поверхность, затем резко ушёл под воду. Точно выверенным движением «везунчик» подсёк рыбу и не торопясь подвёл и достал из воды серебристого килограммового леща!

– В чём секрет, паря? – переспросил меня, довольно улыбаясь, рыбак, – А он прост, вот скажи, а может быть дороже что-либо или кто-либо твоих родителей и даже Родины?

Я засомневался в своём ответе, честно признавшись, что, мол, не знаю. На нашем небольшом заливишке, перегороженном плотами, сверкая на солнце чешуёй, гуляла и плавилась на поверхности воды неведомая рыба.

– А весь секрет мой, – раскрыл-таки свою тайну старый рыбак, – в том, что я Бога поминаю и... Родину. Прихожу на реку и прошу: Боже Святой! Помоги мне с рыбкой, и ты матушка-река не подкачай, вот всё у меня и получается! Таков мой секрет, паря, попробуй, не поленись!

Задумчиво посмотрев на старого рыбака и поняв, что он не шутит, я повторил про себя его слова. Не знаю, может и случайно, но в ту же секунду мой поплавок скрылся из виду, плавная подсечка и вот в моих руках играет на солнце серебром и исполняет свой танец долгожданный подлещик!

И пошло, и поехало!

Что ни заброс – поклёвка! Да, секрет старого рыбака работает! Вот уже и полиэтиленовый пакет не вмещает пойманную рыбу, а она всё клюёт и клюёт!

Доставая и сматывая удочку, я со словами благодарности посмотрел на старого ветерана: – Спасибо за секрет, дядя Серёжа, он настоящий, истинный!

– Да я что, ничего, – простодушно улыбнулся в ответ старый рыбак, – пользуйся и запомни: по истине своей никогда не отступай от правды и не соглашайся со злом, иначе кровь Бога святого и на тебе будет, а этого допускать нельзя. Иди, паря, с Богом, иди.

Посмотрев вокруг, словно бы запоминая надолго, навсегда, неброскую красоту родной природы, глядя на зеркальную воду, в которой купалось как-то по-детски солнышко, я обернулся и посмотрел на счастливо улыбающегося старика.

– Да, теперь я понял, что значит Бог и наша... Родина!

Неспешно как-то, словно бы по мановению чьей-то волшебной руки, на небе установилась, даже без капельки дождя, прекрасная радуга, таинственно отразившаяся в зеркальных водах матушки Сухоны-реки.

Монах Эссе

Где-то в дальних вологодских лесах стоял одинокий монашеский скит, где обитал монах-отшельник Егорий.

Вёл хозяйство своё, и на молитве стоял, творя её святую ежечасно.

И прибывались к нему раз за разом братья его – монахи, да странники-калики переходящие.

И вот напросился к нему как-то брат Андрей, посмотреть небольшую и небогатую келью его, да глянуть хоть глазком, да послушать скромную молитву, творимую Егорием.

Видя маловерие брата своего во Христе, соглашался брат Егорий на действие это, правда, просил затем ничего и никому не рассказывать.

Зайдя в небольшую каморку, Андрей с уважением покосился на неприметно висящий в уголке на вешалке военный китель с боевыми орденами и медалями, среди которых при свете свечей тускло поблёскивала Геройская Звездочка.

Встав посреди кельи, монах улыбнулся своему брату, когда тот спросил, что мол, не зажечь ли ещё свечей, ибо темно.

– Подожди, – кротко светился своим ликом Егорий, – есть тот, кто воспламенит свечу. Не волнуйся ничуть – Ангел Божий соделает это.

С этими словами он погрузился в себя и стал творить святую молитву.

Спустя какое то время, Андрей заметил, что сама атмосфера в келье монаха стала меняться, словно в каком-то тумане засветились теплым матовым светом иконы на стенах.

И внезапно вспыхнули свечи.

Все.

Одновременно.

И в этот самый момент, к своему изумлению заметил Андрей, что стены кельи стали исчезать и растворяться и Небесный Свет залил все помещение.

И видел он в потрясении своем, как брат его Егорий воспарил и изнутри его сиял неведомый Свет, и какая-то Божественная музыка наполняла келью своим звуком и запахом мяты, ладана и смирны.

Затем, Светом стало ВСЁ, и даже он, видящий это Чудо. Счастье Абсолютной Любви охватило Андрея, и время и пространство потеряло значение.

Впрочем, через некоторое время всё вернулось на круги своя: и время и пространство.

Приходя в себя, Андрей слышал, как ласково гладил его по голове, приводя в себя, брат Егорий: – Ты только не сказывай об этом никому, ибо грешник я, и не достоин этого! А запомни одно: Бог Есть, и в Любви Его мы ВЕЧНЫ!

Елена прекрасная Современная русская сказка

Любимой Жене посвящается!

Мир появился не вчера.

Это верно сказано.

И всегда в нём было и хорошее, и плохое, и сказочное, и самое-самое что ни на есть обыкновенное.

Вот об этом-то я и хотел напомнить, прежде чем рассказать вам эту незамысловатую современную русскую сказку.

В некотором Царстве, в современном государстве, в России-матушке жили и поживали Иван-Дурак да его суженая, молодая жена его – Елена Прекрасная.

И был Иванушка вовсе даже не дураком. Ну, а то, что прозвище обидное к нему прилепилось, не обижался он, так бывает, когда людям шибко помогаешь.

Жили как и все, бед особых не знали и любили друг друга.

Правда, было в обществе между людьми какое-то равнодушное и презрительное отчуждение, ибо каменны сердца многих были по причине оскудевания всеобщей любви и отсутствия всенародной цели.

И разделены были люди не только религиями, суть есть едиными, но и по социальному статусу и значению своему. И казалось многим, что равнодушные спасительно и целительно для душ их.

Да что и говорить, если ценность человека определялась не только по богатству его, но и по частоте его появления на телеэкранах страны, и не важно, кем был этот кумир – добряком или первостатейным злодеем.

Так же как и люди разделены были между собой и древние силы Добра и Зла.

Вот и жил Иван вместе со сказочной красой Еленой Прекрасной в тесной двухкомнатной хрущовке.

В то же время чах над золотом в своем позолоченном дворце бессменный Президент «Вечного Банка Бессмертия» Кошей Бессмертный со своей плутовкой старой ведьмой и бизнес-леди по совместительству – Бабой Ягой.

Ну, а коли начали рассказ сей с сил Добра, так давайте подробнее и расскажем о наших главных героях.

Был Иван к своим двадцати пяти симпатичным молодым человеком, и хоть жизнь его и застряла вот на этой самой цифре, он был вполне доволен и счастлив своей жизнью. Работал же наш Ваня простым участковым инспектором полиции и с гордостью носил на своих плечах лейтенантские погоны.

Отдельно скажем о его жене.

Подвезло Ивану с жёнкой! И красавица: юная, не дашь больше двадцати на вид, грациозная и хрупкая, с русыми, цвета спелой пшеницы волосами с запахом лесного разнотравья и большими ясными светло-зелеными глазами. Она являла собой как бы некий символ завершенности и очарования настоящей русской северной красоты. При этом великолепно готовила и справно управлялась с любым домашним делом. Да, повезло нашему Ванюше с женой!

И частенько по праву называл Иван свою благоверную Еленой Прекрасной! А работала наша героиня в налоговой инспекции самым что ни на есть простым налоговым инспектором. И хоть числились на государственной службе оба наших героя, частенько так бывало, что не благодаря, а вопреки своей работе они помогали людям.

Хоть и не было детишек у Ивана с Еленой, а вот домашний любимец у них был. Вот и сейчас ластился у их ног огромный пушистый светло-серый кот породы мейн-кун с повадками настоящего телохранителя-собаки, которого именно за эти качества Лена назвала котопсом. И был у них в семье и лад, и Любовь была земная и небесная!

Всё бы хорошо, да позавидовали счастьем их злыдни века сегодняшнего и обманчивого – Кошей Бессмертный и ведьма – жена его Баба Яга. И задумали они разлучить Ивана с Леночкой его. Как задумано, так и сделано!

Вот и встала у волшебного зеркала злая Баба Яга, посмотрела в него и криво улыбнулась: отразило зеркало неказистый и страшноватый вид её, который не смогли украсить ни бриллианты, ни золото с жемчугами да камнями драгоценными. И взмахнула рукой страхолюдина: «Стань как она!» Вмиг обратилась злая ведьма в Елену Прекрасную, не отличишь!

И поменяли наших героев злые силы местами: Елену Прекрасную умыкнул в свой дворец Кошей Бессмертный, он же олигарх, бессменный Президент своего банка – Кошеев, ну а ведьма злая Баба Яга под видом благоверной жены-красавицы у Ивана очутилась.

И недоумевают Иван: вроде жена как жена, да вот готовить разучилась совсем, и уборки по дому не ведёт, сидит у телевизора, семечки лузгает да любимого кота пинает, который то и дело оцарапать ее норовит, словно бы не признавая в ней хозяйку.

Ну а настоящую Елену злой банкир Кошей тиранит: выходи, мол, замуж за меня, отдайся, натурально озолочу! Не век же с этим нищербодом Иваном маяться! Да вот не согласна Елена Прекрасная. И видя, что не преодолеть упорство её, заключил Кошей красавицу в темницу тёмную, не отапливаемую, затерявшуюся в бесконечных подвалах и застенках огромного дворца.

Ближе к ночи уже попыталась плутовка Баба Яга под видом Елены соблазнить Ивана. Да не тут-то было!

Висело над кроватью молодых супругов зеркало, да не простое, а волшебное. Вся правда показывало о том, кто отражался в нём. Глянул Иван в зеркало, надеясь полюбоваться отражением супруженицы своей, да ужаснулся: смотрела на него из зеркала не прекрасная женушка его, а ужасная страхолюдина, чёрные глаза которой сверкали недобрым огнём, и вместо очаро-

вательного женского носика хищно лязгал страшный вороний клюв, из которого с шипением показывался длинный змеиный язык.

– Ведьма! – похолодев, догадался Иван и схватил обманщицу.

Поняв, что её коварный замысел не удался, и обман разоблачён, Баба Яга приняла свой обычный вид. Иван грозно посмотрел на плутовку.

– Где Елена? – тихо спросил он, и звуки металла жёстко послышались в его голосе.

– Где, где, в Караганде! – блудливо подмигнула ему старая ведьма. – Не скрою, юноша, у Кощеюшки жёнушка твоя! Правда, вот вопрос: по-прежнему ли она верна тебе?! Кощей он такой – дело свое тугу знает...

Договорить она не успела по причине того, что большой мейн-кун, вопя, вцепился ей зубами в ногу, преображаясь в говорящего кота: – Где моя хозяйка?! Отвечай, ведьма!!!

Не ожидая подобного поворота, испугалась старая чертовка, особенно когда Иван с силой тряхнул её.

– Да отстаньте вы от меня! – замахала она руками. – Сказала же: у Кощей! И не надо стращать да курощать меня, не из пугливых! Зуб я давно имею на своего прохиндея – Кощеюшку-изменника! Всё скажу, передых только дайте маленький!

– Не будет тебе передыха, ведьма старая! – еще сильнее тряс Бабу Ягу Иван. – Отвечай, как мне освободить жёнушку мою!

– Просто так, – зло улыбнулась незваная гостья, – в трёх часах езды от города есть село Кукуево, там дворец Кощеев, там Еленушка твоя в заточении! Путь же твой – через старое кладбище, где ждёт тебя встреча нежданная. Там, по сиянию, исходящему из-под земли, найдёшь ты оружие на Кощея – меч-кладенец, да вот не просто взять его будет. И если справишься с первым заданием, ждать тебя будет и второе заданье: на мосту через реку Горыниха ждёт тебя Чудо-Юдо – страшный дракон Змей Горыныч. И если не убоишься и сразишься с ним, знай, на когте у страшилища окаянного перстень Вечности, и пока он на Змее, то непобедим он, ибо в нём и смерть Кощеева заключена! Третье же задание невыполнимо, ибо тот, кто бросит вызов Кощею, вмиг окаменеет, и не поможет даже перстенёк волшебный тот, потому как мудр Кощей! Вот и поэтому смирись Иван, не резон тебе с Князем тьмы тягаться! И времени тебе дано с этой минуты ровно три часа, и если опоздаешь хоть на минуточку, ввек тебе не видать жёнушки своей!

С этими словами ведьма, оттолкнув Ивана, превратилась в старую ворону и, взлетев, попыталась улизнуть. Но не тут то было: в прыжке огромный кот изловил хищницу и молниеносно расправился с ней.

– Так лучше! – хитро-мудро улыбнулся котяра и встал на задние лапы, уподобившись человеку.

– Ой! – не удержался его хозяин. – Так ты, пушистый, теперь и ходить, и разговаривать будешь?! Верно, кото-пес?!

Мейн-кун посмотрел на Иванушку и расплылся в широкой улыбке.

– Мда-а, – промурлыкал довольный котяра, – теперь буду, ибо время пришло... Да, просьбочку к тебе имею одну: ну не называй ты меня котопсом! Какой же я пёс?!

Иван скептически посмотрел на говорящего кота.

– Действительно, какой ты котопёс?! – согласился он и оценивающе посмотрел на него. – Но как же тебя называть? Пушистик? Нравится тебе? Скажи...

– Потянет с килькой в масле, – добродушно согласился котофей и, немного задумавшись, промурлыкал мечтательно, – только зови меня не просто Пушистик, а Капитан Пушистик! Понял, да?!

– Капитан так Капитан! – послушно кивнул головой Иван и помрачнел взором своим. – А теперь, друг Пушистик, если ведьма не солгала, в дорогу нам надо, три часа у нас! И это без дорожных приключений!

– Ну сказал же: «Капитан»! – ворчливо глянул на него говорящий кот. – Трудно что ли запомнить: Капитан Пушистик! А Елену надо выручать и поэтому поспешать, хозяин, к ней надобно весьма быстро! Подожди минутку, приоденусь слегка.

С этими словами словоохотливый кот натянул на себя старые шорты и рубашку Ивана и лихо так, молодецки посмотрел на него.

Скоро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Ну вышли Ваня с Капитаном Пушистиком к старенькой своей автомашине, ладной такой белоснежной вазовской «девятке», быстро сели и отъехали от своего дома.

Эх, «девяточка»!

Старая семейная «девяточка»!

Песня, а не машина!

Что сказать, поспешал Иван очень быстро, ох, пристегнись, Пушистик! И поэтому не был удивлён, когда, выехав из города, на одной из заброшенных сельских дорог был остановлен вышедшим из патрульного УАЗа нарядом дорожно-патрульной службы, видимо, несущим службу на приличном отдалении от города.

Подшли к нему три добра молодца, три современных Чудо-Богатыря: дорожный полицейский, налоговый инспектор и судебный пристав.

Ладно так подошли, с достоинством – чай, не разбойнички с большой дороги!

Совместный пост, однако, что же вы хотели!

И насчёт богатырей не ослышались вы, ибо были эти государевы служащие настоящими былинными богатырями: Святогором, Ильёй Муромцем и Алёшей Поповичем.

Но, как вы понимаете, время не стоит на месте, и поэтому звались они сейчас просто: лейтенант ДПС Святогоров, инспектор Муромцев и пристав Поповцев.

Подойдя к нему с явно очевидными намерениями, троица изменила их, узнав его и просяив улыбочкой богатырской: Да то ж Иван-Царевич, по совместительству – Дурак!

Ну, обнялись они, как старые друзья, руки друг другу пожали.

– Что так гонишь, Иванушка? – ворчливо немного так и не по-уставному, для порядка, значит, спросил Святогоров-Святогор. – Так и разбиться можно!

– Эх, беда у меня братцы! – тяжело вздохнул наш герой. – Умыкнул у меня Елену Прекрасную злой волшебник и маг Кощей Бессмертный! Вот и поспешаю я!

Посмотрев с надеждой на богатырей, облаченных в соответствующую их нынешнему званию и положению форму, продолжил свою речь Иванушка: – И прошу вас, братия мои, помогите мне и Елене как в стародавние времена, ибо, вот, времени вовсе мало у меня...

Приздумались богатыри, крепко так и обстоятельно, по-мужицки.

– Извиняй, братан! – с огорчением развёл руками старший их – Святогор. – Рады бы, но не получится у нас... Сам понимаешь – служба! Да и место хлебное: дорога, знаешь ли! Время сейчас такое: добрым делом сыт не будешь и его как колбасу на бутерброд не положишь! Так что, поезжай потихонечку, видим, не один ты, справишься! Эвона у тебя кот какой баской!

– Папашу без оскорблений! – взвился недовольный котяра. – Я вам, судари мои, не кот, а Капитан Пушистик! И вообще: не всегда можно судить о великане по его размерам, ведь даже он может иметь сердце мыши, а не льва!

Сказав это, говорящий мейн-кун с вызовом посмотрел на богатырей.

– О, да ты философ! – воскликнул Попович и, не удержавшись, продекламировал:

– Мысли полёт, вот где свершенье! Мысли полёт – вот красота!

Капитан Пушистик быстро глянул на богатыря-философа: – Хорошо, а для того, чтобы понять, что ты есть, надо «жить» или просто «выжить»? Не правда ли, что лучше «быть», а не «казаться», и с этим в небо подняться, а не упасть!

Смутился богатырь и ничего не ответил премудрому коту.

– Ладно, – махнул рукой Иван, – с вами, ребята, всё ясно! Боюсь, что вы стали просто людьми – холодными и равнодушными!

– Вот и не суди нас строго! – посмотрел на него Муромец. – Люди они и есть люди, не меряй всё по себе! И удачи тебе желаем, прощай, Иван!

Вздыхнув, наши герои продолжили свой путь в сторону села Кукуево.

– Слова, слова! – возмущённо пробормотал кот. – Ну почему всегда так, много слов и мало настоящих Людей и их Поступков?! Неужели непонятно, что мы те, кто мы есть! Обидно, Вань...

Ничего не ответил ему Иванушка.

Было видно, что его мохнатый помощник задумался надолго и всерьёз.

Впрочем, весьма скоро вдоль дороги, ведущей в Кукуево, показались надгробия старого заброшенного кладбища.

Проехав совсем немного, Иванушка заметил яркий свет, исходящий из древнего кладбищенского склепа.

Плавно остановил машину Ванюша, и наши герои вышли на дорогу.

– Не там ли волшебный меч-кладенец? – только и спросил Иван и с этими словами вместе с пушистым другом поспешил к месту таинственного сияния.

Не без труда проникнув в старый склеп, Иван заметил на старинном надгробии сверкающий всеми цветами радуги меч-кладенец.

И только взял в руки грозное оружие наш герой, как по кладбищу пронёсся какой-то зловещий свист, и наступила мёртвая тишина.

И птицы не поют, и деревья не шелестят.

Даже солнышко загрустило – тучами нахмурилось.

Выйдя из склепа, наши герои содрогнулись всем духом своим: словно бы повинувшись этому ужасному призыву, зашатались позеленевшие и обросшие мхом надгробия, и из древних могил выползли страшные ожившие мертвецы – упыри и вурдалаки.

Распространяя повсюду ужасающий запах тления и зловония, современные зомби, хищно клая зубы, двинулись на наших героев.

И было нечисти этой весьма много, и казалось, что всё кладбище восстало в попытке помешать нашим друзьям.

Впрочем, был Иван с древних времен не только Дураком, но и Царевичем, поэтому воинскую премудрость знал как никто другой.

Первых зомбяков, подошедших к нему, он сшиб приемами каратэ, ну а остальных крошил просиявшим на солнышке волшебным мечом.

Не отставал от него и Капитан Пушистик. Не смотрите, что кот, а так лихо прыгал и бил оживших нелюдей, что просто любо-дорого посмотреть!

Впрочем, силы были явно неравны, и вражеское кольцо из восставшей нежити плотно сжималось с каждой секундой.

– Да откуда же их столько прёт?! – кричал Иван, рубя и сокрушая нечисть и налево, и направо.

Казалось бы: всё, конец! Битва проиграна!

Но где-то вдалеке прозвучала боевая песнь полицейской сирены, и через пару минут на всей скорости, скрипнув тормозами, к месту сражения подлетел патрульный УАЗ.

Богатыри, а это и были они, преображенные, в сияющих доспехах, принялись крушить и разгонять нечистую силу.

– Что, братан! – кричал богатырь Святогор. – Чай не ожидал помощи молодецкой?! Поспешай, родимый, к жёнушке своей, а уж этих мы сами как-нибудь утихомирим!

Глянул Ванюша на дела богатырские: и вправду, помощи им не надо никакой, а вот время бежит, скачет окаянное как белка в колесе, словно говоря: поторапливаться надо!

Крикнув друзьям: – Спасибо, братцы, за помощь богатырскую! – Иван с мохнатым другом-помощником, сев в свою «девяточку» весьма поспешно, отъехал от места сражения, где Добро уверенно побеждало Зло.

Проехав около получаса по пылящей дороге, Иван посмотрел на Капитана Пушистика, который как завзятый рэпер радостно и довольно напевал: – Ох и дали мы врагам! Мясю!!! По зубам, по зубам! И кто из нас сильнейший, а?!

– Молодец, молодец, Капитан, – поощрительно улыбнулся Иван и построжел взглядом, – но всё-таки не лезь на рожон! Поостерегись, потому как у нас, что герой, что дурак – едино!

– Не бойсь, Иван! – отвечал ему премудрый кот. – Эта война уже не первая на моём веку, и цену риска я знаю хорошо!

– Ты был на войне?! – недоверчиво покосился на мохнатого друга Иван. – В какой же это было жизни?!

– В той, которую я уже помню слабо! – улыбнулся котофей. – Да и кто запретит нам, котам, воевать где-либо? Ведь жизнь у меня не одна, сам понимаешь, это сегодня ты кот, а завтра собачка, а послезавтра еще какаянибудь животина... Не каждому дано быть Человеком!

На обочине пустынной дороги показалась фигура одинокого путника, который с надеждой поднял руку.

– А вот и попутчик! – обрадовался Капитан Пушистик. – Тормози, Иван! Подвезём бедолагу, глядишь, доброе дело сотворим да и про дорогу спросим...

Сказано – сделано!

Посадив в салон машины пассажира, Иван с интересом посмотрел на него: ничем не примечательный человек, не худой и не толстый, и не лысый, и не рябой, и не великан, и не лилипут. Таких в стране миллионы, рядом пройдёшь – не заметишь. Вот такой был их не примечательный ничем попутчик.

Проехав некоторое время в полной тишине, наш герой нарушил затянувшееся молчание.

– Ну, и долго ли еще до села Кукуево? – коротко, но уважительно спросил Иван. – А то все едем и едем, и дороге нет конца...

– Скоро уже приедем! – многозначительно посмотрел на Иванушку попутчик. – Сейчас речка Горыниха будет, на ней Каинов мост, а далее и Кукуево...

– Эх, Куево-Кукуево! – задорно вмешался в их разговор молча сидевший до этого кот. – Скорей бы уж!

– Я бы попросил не выражаться! – сурово посмотрел на Капитана Пушистика наш герой.

– А что я сказал?! – закипятился Капитан. – Ну скажите мне, что?!!

Странно, но говорящий кот почему-то нисколько не удивил попутчика, который, посмотрев на Ивана, авторитетно произнес: – А всё-таки я не рекомендовал бы вам появляться в Кукуево! Развернитесь у моста и обратно в город езжайте!

И замолчал, словно бы зная все наперед.

Но, естественно, Иван не послушал незнакомца и лишь прибавил газу.

Показался старый бревенчатый мост через реку Горыниху, где-то за мостом на живописных холмах виднелся шикарный дворец с тускло мерцающими на солнце золотыми башнями.

У моста был установлен дорожный указатель: село «Кукуево».

– А у вас сейчас колесо лопнет! – нехорошо как-то и скучно произнес попутчик. – Разворачивайтесь, пока не поздно!

Куда там!

Как гнал на скорости свою «девятку» Ванюша, так и гнал, не сбавляя ничуть. И вдруг: Хлоп! Бах!!!

Вправду лопнуло колесо, и машина, не доехав немного до моста, остановилась. Все вышли из нее.

– Ну, говорил же вам, – немного извиняющимся тоном и одновременно угрожающе произнес попутчик, – не надо вам туда! А теперь всё, поздно!

Иван с недоумением посмотрел на незнакомца.

– Почему поздно? – только и спросил он. – И кто вы такой, чтобы так говорить?!

– Я?! – в чёрных бездонных глазах попутчика мелькнули какие-то горделивые жёлтые искры, и он вежливо представился: – Я – Горыныч! А поздно потому, что вы уже знаете, что я – Дракон! И будь вы умней, то не сажали бы в дороге к себе кого попало!

– Но, позвольте! – не выдержал Капитан Пушистик. – Ну что вы наговариваете на себя! Если вы и дракон, то какой-то дефективный, где ваши головы, хвост, лапы и крылья?!!

– Воздержитесь от оскорблений, мой пушистый незнакомец! – учтиво отвечал ему Дракон. – Всему своё время! Не разочаруетесь! Неужели не понимаете, что в моём настоящем облики как-то неудобно путешествовать и знакомиться с людьми! А то, что я – Дракон настоящий, вы убедитесь весьма скоро... Да, как и говорил, звать меня по-простому – Змей Горыныч, а если еще короче – Го-рыныч! Служу же я Кощеюшке Бессмертному, вон, видите дворец его на холмах? Уж Бессменного я уважу, и по его указу вас не допущу! Хотя, отбросим условности, что мы, дамы что ли?!! Не видать вам Кукуево, как раку своего хвоста! И вот что, ребята, извините, конечно, но съем я вас! А что поделать?! Служба такая, долг!

С этими словами попутчик молниеносно трансформировался и превратился в огромного, покрытого чешуей, шипящего, как змея, трехголового тёмно-зеленого дракона с небольшими перепончатыми крыльями, огромным хвостом, уходящим в землю, и тремя лапами, на когте одной из которых тускло поблескивал золотом волшебный перстень.

По туловищу Змея Горыныча бегали воинственные блохи и славословили дракона. И чем больше славили его, тем больше грызли и поедали его, сводя дракона с ума. Но это еще не все, что можно сказать о нашем летающем монстре. Первая голова, как бы центральная, горделиво возвышалась над другими, и какой-то патриархальной древностью веяло от неё. Вторая как бы находилась на окраине туловища. Третья, малая, вся такая белая и пушистая говорила сама с

собой, переходя со старорусского на немецкий и английский. И было видно, что не в ладу сами с собой были головы эти, ибо в ярости грызли они друг друга и оплевывали смертоносным пламенем.

– Эй, ребята! – остановил Иван воюющие и разделившиеся между собой головы дракона. – Время подгоняет! Вы бы разбирались без меня! А то непонятка есть: будем биться али как?! Может, мне молча пройти?

Змей Горыныч заинтересованно посмотрел на Иванушку всеми своими тремя успокоившимися вмиг головами.

– Так чего же не прошёл, вежливый ты наш?! – прошипела главная голова. – Шёл бы, мы тебя бы и не заметили! Не видишь, что мы свои, братские вопросы решали!

– Не-е-ет! – угрожающе приблизилась к Ивану воинственная голова, та, что на окраине. – Хоть добыча и невелика, а сожрём мы тебя и пушистика про запас прихлопнем! Правда вот, раньше витязи были как витязи, а сейчас?! Где твоя большая и вкусная лошадь, герой?! А ещё рыцарь называется!!! Что нам с твоей железной развалюхой делать, на металлолом её сдать?! Так мы, чай, не пионеры-тимуровцы!

В разговор вмешалась третья голова, белая и пушистая.

– А пусть идёт, братцы! – прошипела она. – Кто нам Кощей? Сват, брат?! Начальник, да и тот худой: всё что мы ни добудем, всё на прокорм соседним драконам раздаёт и раздаривает! И вместо похвалы за дело слышишь от него: «Ступай вон, трехголовый мутант-переросток!» И за такого впрягаться?! А биться с витязем, так, посудите, себе дороже! Ведь газ и нефть ноне не дешевы! Да и курс рубля как белка в колесе скачет, за долларом не успевает! Что же получается, братцы?! Хвост наш нефть и газ из земли добывает, а мы задарма огонь раздаем и мечем?!

– Не задарма! – отвечала младшенькой голове своей старшая и главная голова. – Не хотел раньше времени радовать, да порадую вас, неразумных собратий! Ведь награда за этого молодца от Кощей велика: от злата немеряного до войнушки, которую Царь Кощей развяжет ради нас, дабы насладиться нам повсеместно кровью и страданиями человеческими здесь, на этой грешной земле! Да и ордена за убийства человеческие на каждую головушку нашу пожалует!

– Ну так это меняет дело! – воскликнули головы поменьше, и все три головы чудовища потянулись к Ивану. – Вот и настал твой последний день, рыцарь!

И завязалась тут кровавая битва.

Славно рубил Иван головы дракону, да вот незадача: срубил одну из голов, а Змей вмиг прикасается к ней волшебным перстнем, и вместо срубленной вырастает новая голова, еще злее и страшнее.

Что и говорить: притомился Иван, пригорюнился. Ну как победить летающего монстра?!

Так ведь и Капитан Пушистик не промах!

Проскользнул каким-то чудом среди кучи срубленных змеиных голов и, ухитрившись, стащил с когтя дракона волшебный перстень, крикнув при этом: – Бей! Круши гадину, Ванюша! Нет уж перстня на нём!!!

И срубил Иван все три головы дракону, а перстень тот волшебный себе на палец надел.

Не удержался, глянул на него: а в перстеньке этом Вечность светом невиданным отразилась в глазах его.

Побежали они к дворцу Кощееву. От свечения перстня волшебного открывались все ворота и дверцы потаенные в зловещем дворце лиходея-похитителя.

И был Кощей в тот момент в тронном зале своего дворца, полностью украшенном зеркалами, бриллиантами и золотом, поставил перед собой Елену Прекрасную, вскочил на трон и, любуясь своим отражением в зеркалах, насмеялся над ней: – Ну что, принцесса, ждешь

избавителя?! Вот увидишь сейчас, Елена, смерть своего мужа ненаглядного! Увидишь, содрогнешься и заплачешь! Что, несчастная, думала что как и прежде смерть моя в игле заключена?! Смерть моя в том, что только Герой с отважным сердцем, волшебным мечом и перстнем на руке одолеет меня! Но первый, кто бросит вызов мне – вмиг окаменеет, вот поэтому и бессмертен я!

– Победит тебя Иванушка! – с достоинством отвечала Елена Прекрасная. – И не будет победы Зла над Добром! Спасая меня, всех людей на земле он освобождает от власти твоей, карлик злой, ненасытный!

– Ага, победит! – смеялся злой Кощей. – Вот увидишь, Ленка, победа за мной будет, и никто не разбудит окаменевшие в царстве зла сердца людей! Все окутает и поглотит моя тьма! Да и ради кого сражаться?! Ну, я понимаю, за тебя! Здесь дело семейное, сурьезное, но за людей?! Лозунг которых: всё для себя и всё в дом! И верящих лишь в чудо, а не в Истину! Вся мечта которых стать бездушными машинами, посмеявшись над замыслом Творца!

– Увидишь! – отвечала ему красавица. – Царство тьмы рассыплется перед Светом!

– ГЦас! – засмеялся банкир Кощеев и внезапно осекся: в зал уверенной поступью вошли Иван и Капитан Пушистик.

– А, Иван! – как бы обрадовался нашему герою современный Князь тьмы банкир Кощеев. – Вот и ты в гости ко мне пожаловал! А я вот женушку твою, Елену Ненаглядную, для тебя, добра молодца приберег! Вот что, Иван! Не будем сражаться с тобой да губить друг друга понапрасну, ступай ты ко мне, Ванюша, в тандем, вместе править будем! Сегодня я, завтра ты! Ну, как, годится тебе предложение сказочное мое, ась?!

Смерил взором презрительным наш герой своего искусителя.

– Нет! – твердо ответил он. – С тобой, вражина, похититель чужих жен, не будет ни договора, ни тандема!

– Отлично! – хлопнул в ладоши Кощей Бессмертный. – Начнём же битву! Бросай вызов мне, Иван, и посмотри на своего губителя!

На какое-то мгновение в тронном зале застыла зачарованная в своем ужасе тишина.

– А не много ли слов, нечистый?! – практически в упор к Кощею подскочил Капитан Пушистик и смело посмотрел ему в глаза. – Я бросаю вызов тебе!

Договорить он не успел, так как моментально превратился в окаменевший памятник самому себе.

– Капитан! – в каком то отчаянии вскрикнул Иван и, подскочив к Кощею, видя лишь его отражение в огромных зеркалах, одним ударом волшебного меча отрубил злодею голову.

В тот же миг тело властителя тьмы испарилось прямо на глазах.

Дворец Кощея сильно трянуло, разлетелись вдребезги все зеркала в тронном зале, и он стал медленно разрушаться, превращаясь в руины.

Вместе с Еленой Прекрасной наш герой выбежал из злого места, держа окаменевшего мохнатого друга у себя на руках.

Положив погибшего Героя на землю, Иван не сдержался и заплакал.

Вместе с ним плакала Елена Прекрасная.

Чистые и хрустальные слезы их, смешиваясь, падали на окаменевшего кота.

Внезапно, казавшийся мертвым мохнатый герой чихнул, приходя в себя, отряхнулся от каменной крошки, просиял и с криком: Мы ПОБЕДИЛИ!!! – расцеловал изумленных Елену и Ивана.

И что-то ангельское было в нём и человеческое.

А на земле, где лежало тело отважного Капитана Пушистика, самым невероятным образом распустились дивные по своей красоте полевые цветы.

А он всё бегал вокруг Елены и Ивана и кричал: «Мы победили, и Любовь вернулась!!!»

В мир пришла Красота!!!

И надо же было такому случиться, что люди всей Земли Русской сбросили маски отчуждения и равнодушия, становясь по-НАСТОЯЩЕМУ – ЛЮДЬМИ!!!

Лена

Романтическое эссе-зарисовка

Любимой Жене Елене Прекрасной!
ПОСВЯЩАЕТСЯ

И тихо так, над омутом и над обрывом, позвал он её нежно: Лена!

Эхо тихо разнесло его глас над прибрежным плесом, омутом и болотцем, встретилось с близлежащим лесом и волной вернулось к нему: Л-е-е-н-а!

Тихо и вкрадчиво так звучало эхо, привольно и широко, наполняя душу неведомой радостью.

И раскатистое эхо, многоголосием небесных колокольчиков повторяло вновь и вновь: Л-е-е-н-а!

Он замолчал и зачарованно посмотрел на прекрасные белоснежные кувшинки и желтые кубышки, обрамленные зарослями рдеста, словно захватившими в плен все побережье.

Внезапно он услышал, как в горней хрустальной тиши зазвучали ангельские голоса, рассыпаясь на множество невидимых радужных капель, и всё Небо жило и дышало этой прекрасной мелодией.

Он вдохнул, сладко так вдохнул пряный медовый запах родной природы, пахнувший полетом шмелей, пчёл, роз, нектарного разнотравья и вновь тихо так произнес, прошептал, как молитву -

– Л-Е-Е-Е-Н-А!

Чарующая тишина была ему в ответ и только лесное эхо перешептывалось в ответ перебивами сладкоголосых небесных бубенцов:

– Л-Е-Е-Е-Н-А!

Гулким эхом разносился его голос, и юные березки слушали его и радостно подхватывали его своими нежными ветвями, словно подпевая ему и шелестя своими листками, называли имя его любимой:

– Л-Е-Е-Н-А!

Солнце уже светило в закате и над рекой белым облаком клубился легкий туман, полный грез и несбыточных мечтаний!

– Л-Е-Е-Н-А! – как пар, как свою душу выдохнул зовущий и радостно посмотрел на красоты мира.

– Лена! – тихо шепнул он, словно бы чувствуя сладость губ своей любимой на своих устах – Лена!!!

Утренний густой пар мыльным облаком вздымался над просыпающейся рекой и потревоженные его пенным дыханием, шумели и кружили над прихорашивавшейся рекой её всегдашние обитатели: бабочки и стрекозы.

– Л-Е-Е-Н-А! – очарованно выдохнул наш герой и увидев Ту, что ждал, мечтательно вздохнул: Лена!!!

В синеве неба отраженном зеркалом вод, по песчаному мелководью шла его Любимая, Та, которую он звал единственно и правильно:

– ЛЕНА!!!

Солнце сверкнуло и нимбом отразилось в Лике Той, которую он звал: ЛЕНА!!!

Ангел Рассказ-притча

И вновь Он пришёл к нему.

Его Маленький светоносный Ангел.

Крылья прекрасного небесного создания ласково струились под лучами трёх инопланетных звёзд, и Его голос звучал сладкой прохладой лесного родника, дарящего своё богатство жаждущему воды путнику.

– Проснись! – лучезарно улыбнулся ему Ангел и нежно дотронулся до него.

Лейтенант милиции Орлов блаженно улыбнулся своему видению.

– Проснись! – вновь тихо попросил Ангел и нежно погладил его своей крохотной ручкой.

– Кто ты? – спросил маленького херувима Орлов, наверняка зная ответ. – И почему ты приходишь ко мне?

– Я твой Маленький Ангел, так ты меня звал всегда, – как-то печально ответил его Хранитель, – и я всегда буду с тобой...

Офицер недоверчиво покачал головой.

– Но я сплю, – недоверчиво посмотрел на маленького херувима лейтенант, – и ты снишься мне...

Ангел грустно посмотрел на него.

– Это не сон! – небесной музыкой прозвучал его голос, – Ты в коме, и твои врачи ничего не могут поделать с этим... Сегодня они отключат тебя от аппаратов жизнедеятельности и тогда я не смогу приходить к тебе...

– Какая ерунда, – запротестовал офицер милиции, – какая кома?! Я сплю...

– Нет, – грустно покачал головой его Ангел, – ты не спишь... Помнишь ли ты своё последнее задержание преступника?

– Помню..., – отозвался Орлов, – брал я тогда бандита Ларкина...

– Ну и..., – подтарапливал его Ангел, – помнишь, что было дальше?

Милиционер с недоумением глянул на небесного херувима.

– Помню, – коротко сказал Орлов и продолжил, – при задержании, когда выбили дверь в притоне, где укрывался бандит, ему каким-то чудом удалось отскочить, он схватил топор и...

– А дальше? – смотрел на него как-то печально Ангел, – Что было дальше, ты помнишь?

– Да, – выдохнул лейтенант, – я отскочил в сторону и, когда этот нелюдь бросил в меня топор, из соседней квартиры выскочила маленькая девочка... и... в общем, закрыл я её собой...

– Что же было дальше? – спрашивал Ангел и маленькие серебряные слёзы жемчужными каплями беззвучно текли по Его прекрасному лицу. – Ты помнишь?

– Конечно! – с воодушевлением отвечал лейтенант. – Чудо как бы произошло: топор, летящий мне прямо в голову, отклонился и угодил по моей ноге! Я даже от госпитализации отказался, вот как.

– Не произошло чудо, – не скрывая своих слёз, плакал его Маленький Ангел, – ты в коме, и если не произойдёт настоящее чудо, я никогда не увижу тебя...

– Встать! – скомандовал сам себе и попытался проснуться лейтенант Орлов.

Но безуспешно, тело абсолютно не слушалось его. И тогда он с любопытством посмотрел на своего Маленького Ангела.

– Почему ты плачешь? – с уважением спросил он Его.

Небесное создание кротко посмотрело на него: – Потому что люблю тебя!

И вдруг, как предвестник чего-то необычного и необъяснимого, прямо над ними просиял яркий божественный свет и, сияя небесной радугой, пред ними предстал Небесный Ангел, словно бы сотканный из лучиков солнечного света.

С любовью посмотрев на Орлова и его маленького Хранителя, Небесный Гость ласково дотронулся до милиционера своим крылом и чудно как-то молвил, как пропел: – Проснись!

Ослепительный свет озарил Орлова, словно какая-то мрачная зазеркальная пелена спала с его глаз, и он проснулся.

И видел он, как вдруг нежно прикоснулся к нему и поцеловал его Маленький Ангел.

Лейтенант Орлов открыл глаза и улыбнулся: в небе из окна его больничной палаты радостно и привычно подмигивали ему три ласковых огромных солнца.

А рядом с ним, лежащим на своей кровати в палате реанимации, стоял и улыбался Ангел – его маленькая дочь.

Преображение Рассказ

*«Слушай, Израиль! Господь, Бог наш, есть Господь единый!»
Иисус Христос. Евангелие от Марка.*

*«В чем Истина ваша? Покажите мне все дела ваши, чтобы
Я, узрев, понял, насколько они хороши».*

72

Свет Абсолютного Океана Любви на Высшем Небе.

Прекрасная Песнь Высших Ангелов и Избранных Рода Избранных, сливающаяся в один прекрасный величественный тон:

«Вначале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог.

Всемиловит и милосерден Он.

Господь праведен, любит правду, лицо Его видит праведника. Непорочен путь Его, чисто слово Господа, щит

Он для всех, уповающих на Него. Воздайте Господу, сыны Божии, славу и честь, воздайте Господу, славу имени Его.

Славим Тебя Боже, Славим, ибо близко имя Твое, возвещают чудеса Твои.

Воспойте Ему, и пойте Ему, поведайте о всех чудесах Его.

Хвалитесь именем Его святым, да веселится сердце, ищущих Господа.

Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда!

Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его!»

Сияет нетерпимым светом для грешников, но светом Вечной Любви для праведных, Престол Всевышнего и Сына Его, озаряя Их Светом Святого Духа Божьего.

– Возлюбленный Сын Мой, – молвил Всевышний, склоняясь вправо, к Сыну Своему, – Вот, истинно Тебе говорю: Все человечество погрязло в грехах, и праведные Мои, возопили как в пустыне об Истине и Ты Сын Мой говорил им о том же, и что? Праведных моих казнили, побивая камнями, и убивая их всячески, даже над Тобой, Сын Мой Возлюбленный, не умилились, распяв тебя в жестокосердии своём!

– Отец Мой Небесный, – отвечал в сиянии кротости Своей Сын Его, – не о том молю, чтобы дать отсрочку недостойным, но молю, чтобы Ты и Я, а Мы едины, спустились вниз и Сами посмотрели дела на падшей земле. Ибо истинно сказано, гнали и убивали слуг хозяина сада и виноградника, даже Сына Его убили, но что сделают они, когда Сам Садовник и Хозяин виноградника придёт к ним?

– Я услышал Тебя, Сын Мой Возлюбленный, – в благодати любви ответил Отец Всех, – истинно говорю Тебе, что пока не перейдёт на Небеса Удерживатель Духа Истины – ничто не поколеблется на грешной земле!

На Высшем Небе не умолкал Небесный Хор, славящий Создателя и все дела Его.

– Пока Я буду на земле, Сын Мой Возлюбленный, – медовыми колокольчиками звенел Глас Всевышнего, – Ты будешь следить и сохранять порядок Мой на земле и на Небе. Я же буду с Тобой един, и когда люди и Ангелы прославят Тебя, то прославят и Меня, Сущего в Вечности, а сказав доброе обо Мне, восхвалят и Тебя!

Плавно нисходил Всевышний с Высшего Неба на низшие, и везде Ангелы, встречая Его, не приветствовали Его и не воспевали Ему Песнь Славы и Почитания, достойных Его, ибо Он, как в зеркале отражал их и был подобен им.

Так спускался Бог до самого нижнего Неба и не был узан ни кем из Ангелов Своих.

Спустившись же на землю, Он, преобразившись, стал человеком, и никто не воздал Славы Его, присущей Ему, и даже место, где Он родился, люди назвали грязным.

У костра

Рассказ (Основан на реальной истории спасения человеческой жизни)

*Посвящается
жене Елене Сергеевне
и родителям:
Лии Вячеславовне и Валентину Николаевичу Малышевым*

В небольшом пятидесятитысячном городе Согда, что на Севере Вологодской области, есть улица Луговая, в центре которой находится Согдинский городской отдел внутренних дел, с которого мы и начнем наш рассказ.

На дворе после лихих девяностых, наступило время не менее «интересных» двухтысячных, когда к слову капитализм люди уже как-то и попривыкли, и понятие рыночная экономика у них уже не вызвала прежнего отвращения и удивления.

На исполнение старшему оперуполномоченному уголовного розыска Согдинского ГОВД майору милиции Северову поступило заявление от гражданки Мишулиной что, так, мол и так, но в июле сего года ушел в лес и не вернулся ее муж Мишулин Сергей Викторович, сорока лет отроду, бывший отставной сержант – афганец, инвалид второй группы, просим принять меры к розыску.

Заявление Мишулиной, завизированное, как и положено, подписью начальника ГОВД, и поставленной печатью регистрации в книге учета происшествий, занес молодой стажер Пахомов, робко постучавшись в двери кабинета Северова: «Алексей Валентинович! Просили передать вам на исполнение».

– Что скребешься, как мышь? – улыбнулся Северов, – Ты мой стажер или как? Заходи!

Собрать группу и доложить начальству о предстоящем убытии не составило большого труда, к своей группе розыскников, кроме уже упомянутого стажера Пахомова, майор присоединил кинолога ГОВД старшину Анатолия Цыганова и начальника местной спасательной станции Николая Росина, водолаз, однако!

Подумав, Алексей позвонил в сельсовет и лесничество, где произошло исчезновение с просьбой отрядить на поиск людей, привычно обзвонил местные редакции радиовещания, телевидения и газет, дав срочную розыскную ориентировку, предварительно проверив пропавшего по всем видам учетов.

Озабоченно посмотрев на карту местности, понял, что место исчезновения «потеряшка» Мишулин, выбрал не из легких, здешняя тайга кишмя кишела медведями, водными преградами и болотами, и считалась труднодоступной.

Поэтому, вооружаясь, Северов взял в дежурной части не только свой табельный Макаров и пистолет сигнальный, но и АКС-74У, складной укороченный, десантный автомат Калашникова, так как понимал, что заведя людей в леса, он за них отвечал.

Хотя расчет велся, что все вернутся с поиска до вечера, тем не менее, предусмотрительный майор распорядился работникам группы взять сухой паек на трое суток, потому что понимал, лес – это дело такое...

Проехавшись пару часов по российской бездорожице на изматывающем своей тряской милицейском УАЗе, Алексей и его группа прибыли в деревню Котлакса, откуда пропал Мишулин.

Деревня как деревня, с десятков старых домов, ничего примечательного.

Приступив к осмотру места происшествия и опросу свидетелей, майор установил любопытную деталь, что отставной сержант Мишулин, ушел в лес, из избы, после ссоры со своими деревенскими друзьями.

Майор не поленился даже осмотреть большую русскую печь, и все топоры и лопаты в доме, пока по его заданию кинолог Цыганов с неразлучным ротвейлером Каратом осматривал дом и прилегающую местность.

Но, увы – пусто!

Но в тоже время понимал майор, нет, не по грибы ушел в лес отставной сержант – афганец, не по грибы.

Прошедший все возможные «скрытые» и «закрытые» командировки в горячие точки, как боец группы «Омега» – сверхсекретного подразделения, когда-то могущественной страны, имевший и ранения и контузии и хранившуюся где-то в военных архивах, без права ношения, Звездочку, Северов понимал, что как сильно не осторожным словом был обижен отставной сержант и понимал, что вряд-ли он сам выйдет из леса.

Хорошо, если еще руки на себя не наложит...

За окном раздался шум подъехавших машин и в избу зашел лесник Ерофеич, и доложил, что на трех УАЗах прибыло подкрепление работников лесхоза, сельсовета, и местных жителей.

Выйдя из дома, и улыбнувшись ласковому солнышку, майор привычно разделил людей на две группы, в одну группу под командованием местного егеря, включил мужиков из лесхоза, сельсовета, придав им местных жителей.

Себе взял своих, проверенных: лесника Ерофеича, кинолога Цыганова, водолаза Росина, стажера Пахомова, куда же без него?

Пробовали к ним навязаться несколько молодух, девиц явно школьного возраста – родственниц «потеряшки».

Глазки горят, острые юные грудки под летними рубашонками топорщатся, короче настрой боевой!

Посмотрел на них так скептически Северов и отказал: «Нет, девчата, оставайтесь за старших в избе, вдруг пропащий вернется»

Ну не тащить же бедолаг по лесам, да по болотам – жестоко это, да и не каждый выдержать сможет.

Разметив по карте направление поиска, сверившись с часами и компасом, обе группы выдвинулись в направлении розыска.

Никому и никогда не верьте, что искать пропавшего в лесах легко и просто!

Северов в очередной раз убедился верности данной простенькой истины, когда пройдя пару другую километров по лесу, им преградили путь разливы лесной болотистой реки.

– Стойте! – ужаснулся стажер Пахомов, показывая рукой на заболоченную воду, – Товарищ майор, вы хотите сказать, что мы пойдем туда?! Неужели нельзя ее обойти?

– Нельзя Пахомов, нельзя! – покачал головой командир группы, хорошо знавший местные леса и решительно, первый шагнул в болотистую воду, которая громко хлюпнув, цепко схватилась за его ноги, словно живая.

Где-то вброд, а где-то и вплавь, группа майора преодолевала преграды.

Подняв автомат, и все свое вооружение над головой, Северов шел по грудь в вязкой, болотистой, лесной жиже.

Ротвейлер кинолога Цыганова, пыхтя, плыл рядом с ним, подгребая воду всеми четырьмя лапами, и укоризненно поглядывал на командира группы, словно говоря: «За что ты завел нас в это погибельное место?»

Замыкал группу лесник Ерофеич, который кряхтя, шел, высоко подняв свой служебный карабин: как же, вверенное имущество необходимо беречь, как зеницу ока.

Наконец-то вышли на долгожданную сушу.

– Перекур! – коротко распорядился Северов, – Отдыхайте, ребята.

– Товарищ майор! – стирая болотную грязь и размазывая ее по лицу, ну чисто Рэмбо, подал свой голос стажер, – Часто у вас такой розыск бывает?

– Постоянно и периодически, – не моргнув и глазом, отшутился Алексей, – привыкай, товарищ стажер, к розыскному делу, мы с тобой людей спасаем, вот как! Пойдешь к нам после стажировки?

– Н-е-е-т! – уверенно протянул стажер, – Тяжелая у вас работа, Алексей Валентинович, но я, пожалуй, после стажировки к вам не пойду, устройсь в прокуратуру или суд, там полегче, без вашего экстрима!

– Твое право, – согласился майор, и после их короткого диалога наступила звенящая тишина, прерываемая разве что пением птиц и писком вездесущей лесной мошки.

Немного отдохнув, поисково-спасательная группа продолжила свой путь вперед.

Пройдя еще с десяток километров по чащобе, группа вышла на открытую каменистую местность, где с незапамятных времен были разбросаны, еще вероятно с ледникового периода, огромные валуны, да камни поменьше, сплошная каменная гряда.

– Слава Богу! – выдохнул с устатка Ерофеич, – Вышли-таки на Николину гряду! Теперь чай, полегче будет...

Впрочем, Ерофеич ошибся.

Спустя пару часов группа вступила в какой-то странный лес, красота вокруг неопишная, но какая-то страшная, звенящая, даже птицы не поют и мошка не летает.

Прибавился вдобавок ко всему неприятный, мускусный, какой-то тяжелый, козлиный запах, словно бы кто-то, подобно хищному зверю скрадывал их группу.

– Группа, стой! – распорядился Северов и подошел к леснику Ерофеичу, напряженно всматривающемуся в лесную даль, и взявшему свой неразлучный карабин наизготовку.

– Вот что, командир, – устало произнес Ерофеич, – не скажу, что заблудились, но в этих краях я не бывал, и что-то скрадывает нас, точно не медведь, я охотник старый, косяка за версту почуял бы!

– Что это? – испытующе посмотрел на лесника майор.

– Не знаю, – пожал плечами Ерофеич, – не знаю.

Приняв решение выходить из этого погибельного места, командир сгруппировал вокруг себя своих поисковиков, табельный снаряженный ПМ отдал кинологу, тот хоть с оружием умеет обращаться, командирскую ракетницу передал стажеру, а сам, сняв автомат, передернув затвор, и поставив переводчик огня на автоматический, пошел впереди группы.

Замыкал группу лесник Ерофеич, с карабином в руках.

Все шли, напряженно вслушиваясь в тишину.

То ли эти предупредительные меры, то ли что другое помогло, но страшный неприятный запах, преследовавший их, внезапно исчез, и к своему счастью, поисковоспасательная группа вышла из этого неприятного места.

Вмиг повеселевший Ерофеич докладывал, что они в лесу в районе деревни Гуриево, при этом добавлял, что каким-то макаром, прошли они немеряно сколько лесных верст, миновав лесные владения нескольких сельсоветов.

Быстро вечерело, вдаль показалась речка Бушуиха, сверкнувшая синевой своих вод.

– Вот это порядок, это хорошо, – радовался старый лесник, – на реке и лагерь разобьем, помоемся и заночуем.

Подойдя к реке поближе, а лесная река была небольшой, они заметили огонек костра, у самой реки.

Ускорив шаг, в предвкушении долгожданного отдыха и тепла, розыскники подошли к лесному костру, у которого сидел человек, и не торопясь подкидывал лесные дровишки в огонь.

Говоря сухим языком милицейского протокола, на вид ему было все восемьдесят, белые-белые, как снег, волосы, борода и усы, простое чистое, светлое, нездешнее одеяние, и в то же время, взгляд его светло-карих глаз излучал какую-то юность и воздушность.

– Мир вам! – поздоровался первым незнакомец, и добродушно улыбнулся, – Добро пожаловать к моему костру.

– Спасибо! – за всех ответил командир группы, – Здравствуйте, дедушка! Как вас звать, величать?

– Зовите меня Странник, ибо живу я, – ответил ему хозяин костра, – странствую и встречаюсь с разными людьми, сегодня вот, с вами встретился! Не смотрите, что стар, ибо тело ветшает, дух – никогда!

– Может вы проголодались, дети? – как-то по-простецки так, спросил Странник и предложил, – У меня есть запеченная рыба, лесной мед и хлебы!

– О, это здорово, – не удержался и забалагурил стажер Пахомов, – и у нас, дедушка, найдётся чем тебя угостить.

Поисковики не торопясь шарили по своим рюкзакам, доставая к долгожданному походному столу различную снедь и закуску.

Под одобрительные возгласы поисковиков, предусмотрительный Ерофеич достал бутылку чистейшего деревенского первача, и заветная жидкость моментально была щедро разлита в подставленные кружки и стаканы.

Как и всем, немного угостили и хозяина костра, который, не капризничая и не жеманясь, поднял тост за их успех, после чего все выпили.

Эта печеная рыба с хлебами оказалась просто чудом каким-то кулинарным, такой вкусной рыбки никто еще не едал и не пробовал!

Они сидели у костра, и уже не было между ними ни русского, ни белоруса, ни украинца, не было между ними ни христианина, ни иудея, ни приверженца ислама, ибо они все были едины, и скреплены радостным чувством общего единения и радовались, словно бы напились легкого сладкого вина!

Разговор у костра плавно перетек на божественные темы, темы вечного правдоискательства и любви, как же на Руси без них?

– Вот скажите, – горячился стажер Пахомов, – вот был Христос, нёс людям позитив, и за что спрашивается, его распяли?!

– А за что убивали праведных иудеев, люди чтущие Тору и Танах? – вступил в беседу Странник, – Человек подменил слово Божие своими преданиями, не за это ли убили и Христа, указавшего людям на это?

– Но это же религии добра, – не успокаивался Пахомов, – а как же массовые распятия времен Христа и Иуды, крестовые походы, войны ислама с неверными?

– Но тебе же указали на очевидное, – вступил в разговор майор, поддержав хозяина костра и пошутил, – даже не сомневайся, Ватсон!

– Назовите имена Бога из Писаний, – испытующе посмотрел на них Странник, – знаете?

– Пожалуйста, – отвечал умудренный жизненным опытом командир группы, – из Ветхого Завета одно из Имен – Справедливый, из христианства – Любовь, из Корана – Милосердный!

– Постойте, – вмешался в разговор неугомонный стажер, – а буддизм, восточные религии, скажите, как быть с переселением душ?

– У Бога много комнат в его доме, – улыбнулся так загадочно Странник, посмотрев на Пахомова, затем обернулся к майору, – правильно назвал, но скажи, когда иудей убивает кого-то, он справедлив? А в действиях христианина, убивающего кого-либо, найдешь ли ты любовь, и можно ли назвать милосердным мусульманина, убивающего ближнего своего?! Впрочем, есть верящие, есть знающие, но лучше всех – исполняющие!

– Теперь мы это поняли, – согласился стажер, – что убивающий подобного себе, далек от Бога!

– Только теперь поняли? – грустно покачал головой хозяин костра, – Неужели, чтобы человеку понять Истину – Любовь, необходимо перед этим убивать?

– Я полностью согласен с вами, уважаемый, потому что мы получили простые, ясные ответы, – почтительно посмотрел на старшего собеседника майор Северов, – но, сколько зла в мире: войны, болезни, правители, не верящие ни в Бога, ни в черта, и сосущие последние соки из своих народов и испытывающие к ним такую ненависть, которая медленно, но верно, убивает их, лишая всего!

– Расскажу вам притчу, – молвил Странник, оглаживая свою седую бороду, – вот некогда был насажен чудный сад, и все там было весьма хорошо. Но взяли власть в этом саду воинственные жуки, которые прислуживали неработающим жиреющим личинкам, и заставляли работать на себя бедных гусеничек, и гусенички весьма изнемогали от бед и трудов своих, а жуки и личинки радовались, полагая, что так будет всегда. Как вдруг, пришел Садовник, и бросил всех паразитов в огонь, а гусенички, преобразившись в прекрасных бабочек, взмыли ввысь!

– Интересно все это, – поблагодарил майор, – но есть вещи, которые постоянны, к примеру, мы россияне никогда не подадим руку фашистам, потому как мы – страна, победившая фашизм!

– Да, войны, тем более фашизм, – печально согласился Странник, – страшное зло, впрочем, пройдет немного времени, когда руководители ваши, будут здороваться с современными фашистами, в надежде торговать с ними, и иметь от них прибыль!

– Неужели такое возможно? – ужаснулся Северов, – Не верится в это!

– Все возможно на этом свете, особенно, когда человек ставит вместо Бога культ денег, – посмотрел на майора Странник, – у человека в руках, страшная игрушка – право свободного выбора! Вы всегда вольны выбирать между светом и тьмой, добром и злом, впрочем, ложись спать, Алексей, утро вечера мудреней, глядишь к утру, и поймешь кое-что!

Навалилась после этих слов на Алексея, какая-то тянущая к земле дремота, он лег головой на рюкзак и заснул.

Сны пришли моментально.

Были ли это сны или видения, Алексей не знал.

Вначале снилось ему что-то нехорошее, что-то тянуло его к земле, хотя душа рвалась ввысь.

Снилось, как будто бы прорвав воздушную пленку, как с телеэкрана, рвалось к нему чудовище, похожее на огнедышащего, как дракон, льва, на голове которого развивались ядовитые змеи.

Холодела от ужаса майорская душа, ибо эта тварь вознамерилась сожрать его.

Словно родниковый ключ, забила в нем животворящая молитва, да так, что Алексей исшел из своего тела и даже увидел у костра свою спящую группу, и свое собственное тело.

Вмиг появился над ним Ангел Господень, в сияющем белизной снега одеянии и каким-то образом вошел в него, и полыхнул Алексей светом, да так, что бежал зверь от него весьма быстро.

Затем чувствовал майор, что поднимает его вверх какая-то неведомая сила, и взлетев высоко-высоко над землей, Алексей попал, как бы, в «водный» мир, где стекались и соединялись реки времени, одновременно он видел, как в зеркале, прошлое, настоящее и будущее.

Он шел как бы по прозрачной воде, точно посуху, и видел многие чудесные события и явления.

Так видел он Христа, с кроткой улыбкой, сидящего в лодке, с рыбаками – Апостолами, вытаскивающими сети, набитые рыбой.

Затем он был вознесен на самое высшее Небо, где на Престоле Всевышнего ему явлен был Сам Бог, Который был огромен, как Океан Абсолютной Любви, и в то же время, был как Человек невиданной красоты и благородства.

Справа и слева от Него, находились два высших Ангела, сияющих небесной красотой.

Подходя к Его источающему Любовь Свету, Алексей почувствовал каждой клеточкой своей души, как и он сам стал частичкой этого божественного света и неземная сладчайшая радость слияния с Божественным, полностью захлестнула и захватила его.

Душа его пела и рвалась к единению, словно бы почувствовав возвращение в свой долгожданный дом, потому, как и он был с Богом, и Бог был с ним, и Он был Богом и Бог был Им.

Вмиг, Ангел – Защитник, от которого исходила волна кротости и милосердия, тот, что справа от Бога, показал ему все хорошие дела человечества.

Это так, как если бы ментально на большом экране прокрутить всю Книгу Судеб Человечества.

При этом, добрые дела людей были так хороши, что Алексей возрадовался – это к спасению человечества!

Второй Ангел – Обвинитель, от которого исходила волна справедливого обличения греха, тот, что слева от Бога, показал ему, весьма быстро все страшные дела и злодеяния человечества.

Ужаснулся и убоился тогда Алексей – к гибели человечества все это.

Показал ему Обвинитель и Страшный Суд, когда перед сияющим Престолом Всевышнего проходит бесконечное количество людей, в огненной реке, кипящей раскаленной магмой и паром.

Над Престолом Всевышнего, на котором находился Сын Человеческий, восходила радуга невиданной красоты, совмещающая в себе обычную радугу с радужным северным сиянием.

От Престола вверх, как от Солнца Правды, исходили лучи невероятной красоты.

Впрочем, Ангел-Защитник успокоил его, что в этой огненной реке одни грешники, ни один праведный на Суд Божий не приходит!

Правда, время Суда приближается, и неизбежно произойдет, стоит лишь Удерживателю покинуть грешную землю, перейдя на Небеса.

– Ну и что будем делать с людьми? – спрашивал у него Всевышний.

На это отвечал ему Алексей в простоте любви и кротости своей: – На все Святая Воля твоя да будет!

Улыбнулся так Всевышний, как любящий Отец радуется Сыну Своему и волна благодати, любви и счастья захлестнула Алексея и он проснулся.

Растолкав поисковиков, спавших сном праведников, Алексей и его группа увидели, что у догоревшего костра они одни, Странник исчез, оставив после себя самым неисповедимым образом бьющий ключ родниковой воды, над которым самым чудесным образом расцвела белоснежная роза!

Испробовав родниковой воды и найдя ее прекрасной, группа набрала водицы во все фляги и пустые бутылки.

Целый день, вплоть до вечера, они провели в розыске, практически не отдыхая, прошагав по лесам да по болотам огромное расстояние.

Алексей вел свою группу по своему одному ему ведомому маршруту, словно бы зная наверняка, как идти и куда.

Эта практика увенчалась успехом, уже к вечеру второго дня розыска.

В кустах, у небольшой таежной речушки, они буквально наткнулись на своего разыскиваемого «потеряшку»!

– Мишулин, Сергей, – тормозил впавшего в забытие пропавшего командир группы, – вставай, сержант!

С трудом открывая глаза, Сергей Викторович Мишулин увидел группу вооруженных мужчин, в полевых зеленых камуфляжах, и тормозящего его майора, со знакомым до боли, десантным автоматом через плечо.

– Наши, – улыбнулся непослушными губами сержант Мишулин, – нашли...

– Да, нашли, – подтвердил майор, отстреливая для порядка тройку разноцветных ракет из сигнального пистолета, – мы своих в беде не бросаем!

Дальше дело было обычное, вырубив топориком жерди и смастерив из молодых деревьев нехитрую, лесную носилку, обессиленного отставного сержанта положили на них, взялись вчетвером и, испытывая привычную боль от врезавшихся в плечи жердей, понесли найденного пропавшего без вести Мишулина к автодороге.

Быстро темнело, поисковикам приходилось пробираться с носилками через чащобу непролазных кустарников, при подходе к вдалеке шумевшей проезжающими машинами дороге.

Внезапно группа натолкнулась практически в полной тьме на небольшую речку, густо заросшую ивой и прочим кустарником.

– Эх, подсветить бы, – мечтательно произнес стажер Пахомов, – да вот чем, когда купались в болотине, замочили мини-прожектор, не фурычит он ни хрена!

– Да, свет сейчас бы не помешал, – устало согласился командир группы, – правда, вот где его взять?

Внезапно, из леса, на небольшой высоте выплыл большой светящийся, серебристый шар, который на огромной скорости взмыл в космос.

На расстоянии высоты полета вертолета, шар произвел сверхмощную вспышку, от которой, волнами, разгоняя тьму, по всему горизонту, образовалась чудная радуга, похожая на обычную, только соединенную с северным сиянием.

Стало светло, как днем!

Без всякого труда и заминки, поисковики вышли на автодорогу, где к ним приближалась с включенными проблесковыми маячками и сиреной, милицейская машина, которая давно уже разыскивала их, а над ними, высоко в небе, сияла, словно бы ВЕЧНЫЙ НЕПЕРЕХОДЯЩИЙ ЗАВЕТ, Божественная радуга, играющая всеми переливами красок и света.

Бантик Рассказ

*Сестре Лиле
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

А приболела как-то Кешина младшая сестра Анютка Петрова.
И ничем-то, а ангиной-скарлатиной, никак не ниже!

Вот, и пока маялась малолетняя сестра то от жара температурного, то от озноба, и плакала даже от бессилия и заболевания своего, призадумался наш братец Кеша, оставленный мамой, ушедшей в магазин, присматривать за сестрой, о том, как бы развеселить сестрицу. Да вот ничто не шло на ум четырёхлетнему мальцу, пока его взгляд случайно не упал на коробку маминых украшений на столе: помады там всякие и бижутерия, на верху которых сиротливо красовался большой бант приболевшей Анюты.

Посмотрел так ещё раз на мамину коробку наш герой, затем глянул на больнявку, и таинственно как-то улыбнулся.

Буквально через несколько минут комната, где лежала приболевшая Анюта, огласилась индейским боевым кличем команчей, поскольку в неё влетел «друг индейцев всех времён и народностей» – маленький Кеша.

Это надо было видеть!

Абсолютно обнажённый и разукрашенный помадой с головы до ног, как боевой раскраской, увешанный дамскими цепочками и украшениями, маленький «команч» потрясал в воздухе лыжной палкой и издавал немыслимые дикие звуки, которые могли бы испугать даже дикого опоссума. На низу живота героя грозно поблёскивал и подпрыгивал в такт его танца большой сестрин бант – ну нельзя же индейцу быть полностью голым!

Незаметно как-то ясным солнышком вдруг улыбнулась болящая сестра и не выдержав, заразительно рассмеялась от души.

Радостно глянув на сестричку, облегчённо улыбнулся и наш грозный «команч» – братец Кеша.

Надо ли говорить, как быстро после этого «индейского цирка» поправилась маленькая Анюта!

Ефрейтор Сушёный

*Памяти бабушки Надежды Александровны
и дедушки Николая Павловича Мальшевых
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Как-то в городе Грязовец, есть такой городок в Вологодской области, собрались детки поиграть в войнушку. И хотя ворчал их старый дед-фронтовик Коля, смотря как его военную гимнастёрку примеривал на себя один из «командиров» противоборствующего отряда, но особо не мешал, понимая, что есть такая замечательная пора у человека – детство. А раз так, разбившись по отрядам, одна группа детворы из трёх человек пошла прятаться во дворе их дома, а вторая терпеливо ждала и отчитывала минуты до своего выхода на поиск где-то затаившегося «врага».

Короче, «зарница» по-грязовецки!

Выйдя из дома, «командир» отряда, которому надлежало как следует спрятаться, заметил во дворе дома старую двухэтажную сараюшку, куда уверенно повёл своих «бойцов».

– Вы куда, поперешные, уж не в сарайку ли? – встретила вопросом их бабушка Надя, – Ох, вицей вас отхожу, чтоб неповадно было!

– Да, – скромно ответствовали «бойцы» и посмотрев на бабушку, улыбнулись, – но мы не варзаем, просто игра у нас такая, военная!

В самом деле, в руках у ребят грозно поблёскивали игрушечные автоматы.

– Ладно, – с любовью посмотрев на них, махнула рукой бабушка, – играйте, только чур, на второй этаж не смейте лазить, лестница там не ражая, плохонькая, доведена вся, с неё и убиться можно!

– Хорошо, бабушка, – хитро-мудро так, по-заговорче-ски улыбнулись её внучки и пошли в сарайку, – только ребятам не говори, где мы спрятались!

– Не скажу, не скажу, – засмеялась их бабушка и ушла по своим делам в огород, который находился за сарайкой.

Посмотрев на своих «бойцов» их «командир» не без юмора посмотрел на одного из своих младших братьев, играющего в «зарницу» под своим грозным именем: – Ефрейтор Сушёный!

– М-да, – улыбнулся как довольный котяра его вышеназванный брат, в самом деле весьма сухощавого вида и сложения, – м-да, я здесь!

– Отвечать надо как в армии «Я!» – , сухо посмотрел на него «командир», – Слушай боевую задачу: залезай как самый лёгкий на второй этаж, сиди там в засаде. Когда позову, спускайся и нападай на врага сзади. Как позову, значит ко мне!

– Понял, понял, – послушно закивал головой новоиспечённый «ефрейтор», – я как ястреб на них спущусь, мало не покажется!

После чего братьевья попрятались в сарайке, два брата затаились на первом этаже за грудой всевозможных вещей, а на втором этаже спрятался их грозный и беспощадный «боец» – «ефрейтор Сушёный», миновавший таки прогнившую лестницу и с трепетом сжимающий сейчас свой игрушечный автомат.

Дверь сарайки противно скрипнула и внутрь вошли противоборствующие им братья из «вражеского войска».

Зайдя в древнее строение, ребята с любопытством осматривались.

– Руки вверх! – нарушил недолгую паузу «командир» засадного отряда, выпрыгнувший с братом из своего укромного места.

Неприятель опешил.

О, сладостный миг победы!

Наслаждаясь своей победой, «командир» привёл в действие своё основное оружие – засадную «гвардию» в лице спрятавшегося на втором этаже сухощавого младшего брата.

– Ефрейтор Сушёный! – грозно позвал его командир.

– Я! – не менее грозно пискнул в своём ответе «боец» и поспешно спускаясь вниз, надломил обветшалые ступеньки лестницы и с воплем «й-я-а-а-а!» на заду съехал с лестницы к ногам изумлённых противников.

Смеялись все.

Но громче всех смеялся наш грозный Ефрейтор Сушёный.

Бабуля Рассказ

Солнце смеялось, радовалось и пело, заглядывая в счастливое лицо десятилетнего мальчугана.

Десять лет исполнилось сегодня Серёже Ивкину.

Представляете, десять!

И вот по этому радостному поводу подарили родители нашему Серёже на юбилейный день рождения целых пять тысяч рублей, мол, купи себе что-нибудь хорошее и ценное, выбери себе подарочек, ибо папа с мамой люди занятые, на службу ходят, да и некогда им.

Так ведь и понятно же, среда, чай не суббота и воскресенье, одним словом не выходной.

Поблагодарил так радостно родителей своих наш Серёжа, да и в магазин побёг, что в аккурат неподалёку от их дома располагался. В супермаркете том, в детском отделе давняя мечта Серёжина на полках пылилась: настоящий большущий и летающий японский вертолёт с пультом дистанционного управления! Дорогущий! Аж целых пять тысяч стоит!!!

А что вы хотели, мечта она и есть мечта.

Прибежал, быстро так прибежал малец к магазину, да вот незадача, на улице, буквально у самого входа в магазин натолкнулся он на старую плачущую бабулю.

Стояла сиротливо так бабуля и плакала.

Посмотрел на неё Серёжа: старенькая, в латанном-перелатанном пальтишке, такая же седенькая, как и его родная бабушка. А вот глаза её поразили нашего мальчугана: большие такие, прям голубые озёра, глубокие такие, утонуть можно, как в омуте. И вот сейчас эти глаза дождили осенней непогодой.

Плакала наша старушка, вздрагивая от своего горя, как ребёнок: – Потеряла, почти всю пенсию потеряла... все деньги, как коту под хвост... Господи, как я жить-то буду... Чем за квартиру заплачу и что петь буду...

Серёжа с сочувствием посмотрел на плачущую старушку.

– Бабуля, а, бабуля, – тормозил пожилую женщину юный мальчуган, – что стряслось-то? Скажи толком?

Не переставая плакать, старушка пропела горестное: – Деньги я потеряла... все пять тыщ, такие деньжищи, одной бумажкой, пальто у меня старое, внучек, вот денежка и выпала... Самато я родом с Серговки, есть така деревня под Тарногой, по вашему-то вестимо Сергиевкой её кличут... Всю жизнь в деревне робыла, а вот под старость городской заделалась... И что тут скажешь?.. Жизнь...

– А что же бабушка, – спросил Серёжа у бабули, – и без кошелька денежка-то была?

– Без него, окаянного, без него, – не успокаивалась бабуля, – уж затеряла его давеча, ишо под Иванов день, дак и не нашла...

С состраданием Серёжа Ивкин смотрел на плачущую бабушку, как вдруг внезапно его осенило.

Словно бы принимая для себя какое-то очень важное решение, он улыбнулся НЕЗНАКОМОЙ ему женщине: – Да ты не плачь, бабуля! Не беда, что деньги обронила, нашёл я их, вот они, твои пять тысяч, как ты и говорила, одной бумажкой, на ступеньках магазина лежали, я и подобрал.

Бабуля опешила и, перестав плакать, удивлённо посмотрела на говорящего мальчугана.

– Что, бабушка, – улыбался Серёжа Ивкин, – от счастья дар речи потеряла? Вот твои деньги, у тебя сегодня как день рождения. Не теряй больше ничего!

С этими словами Серёжа передал СВОИ пять тысяч просиявшей бабуле, от счастья, кажется, утратившей всякий дар речи.

И сам счастливо улыбнулся, будто бы получил самый дорогой подарок на свой день рождения.

Солнце смеялось, радовалось и пело.

Щука Рассказ

Эх, семидесятые!

А пошли как-то дед Слава с внуком порыбалить на Сухону-реку, что вольготно несла свои чистые и прозрачные воды у деревни Сергиевка, раскинувшей свои приземистые, как жуки, избы-невелички на горах-угорах Тарногского района Вологодской области. Молча так они шли, слушая чистую, горную, по-деревенски беззаботную и безмятежную утреннюю тишину, прерываемую лишь пением утренних работяг-петухов.

Скажем прямо и честно, было какое-то негласное соревнование между хоть и старым, но не потерявшим своей фронтовой гвардейской стати дедом и его, от мозга до костей городским, внуком. Вот и шёл гордо и прямо высокий и жилистый дед Слава, несущий не без труда огромный «сак» – рыбацкую сетку-намёт, в отличие от городского «паука»-подъёмника, ловившего рыбу методом траления сети сверху и волочением пойманной рыбы по дну. За ним вприпрыжку, одолевая изгибы тропинки угоров, шёл, едва ли не бежал, его внук Андрюша, держащий в одной руке огромное по его меркам рыбацкое ведро и дивную для этих мест, городскую забаву: удочку-спиннинг. Подходя к реке, голубой лентой бегущей между угорами обоих берегов, дед с внуком вступили на каменистую, всю усеянную галькой и мелким камушком, прибрежную землю, обильно разбавленную хрустально чистыми водами родников и ключей, ниспадающих с деревенских угоров прямо в объятия реки.

Перво-наперво, дед в ему одному известном месте на реке проверил заброшенную и оставленную на ночь на речной яме донку и довольно улыбнулся – есть! Доставая из воды довольно-таки крупного леща с разноцветными плавниками и хвостом, сверкнувших водной радугой в брызгах воды, дед Слава степенно и коротко обращаясь к внуку, обронил: – Вот и обрыбились мы с тобой, Андрюша, с почином тебя!

После чего старый рыбак также проверил поставленную в укромном речном месте «морду» – плетёную корзину – ловушку для рыбы, и радостно просиял доставая из «мордушки» пару приличных налимов.

Его внук в это время с увлечением вытаскивал небольших пятнистых пескарей и радостно восклицал при виде каждой пойманной рыбы.

Улыбнувшись, дед Слава произнёс: – А вот теперь, внучок, робить станем по-настоящему, вестимо не зря тебе я баял, что рыбку намедни изловлю знатную!

При этих словах старый рыбак выразительно посмотрел на свой «сак», и взяв его в руки, зашёл по колено в сапогах-бродовиках в чистые воды реки, и бережно накрыл воду рыбацкой сеткой. Тут же, очень быстро, волоча по грунту реки свою снасть, он плавно подвёл её к берегу и выбросил содержимое сети на прибрежные камни. В сети трепыхались несколько крупных пескарей и небольшой бродяга-хариус, явно зашедший в Сухону из таёжной лесистой Саланги-реки.

К нему подбежал недоумённый внук: – Смотри, дед, я, кажись, змею на удочку поймал!

Глянув на пойманную внуком рыбу, дед Слава поневоле заулыбался: – Да уж какая это змея, стерлядку ты зацепил, да такую баскую!

И действительно, на крючке, отчаянно извивалась, как змея, небольшая светло-зелёная остроносая стерлядь.

Довольный дед помог своему внуку снять с крючка попавшуюся ему краснорыбицу, после чего вновь подошёл к реке и забросил сеть в воду. Подтаскивая «сак» к берегу, дед довольно улыбнулся, чувствуя, как бьётся рыба в сети. Так и есть, щука!

Вытащив на берег килограммовую щуку, дед победоносно посмотрел на маленького рыбачка, возящегося на берегу со своей снастью: – Обловил я тебя, внучок, с этой щукой не поспоришь, на уду такую не изловить!

– Посмотрим, – азартно глянул на старого рыбака его внук, прилаживая пойманного пескаря в качестве живца на большой крючок своей удочки, – я ещё своё слово не сказал!

– Давай, давай, – с любовью подначил маленького рыбачка его дед, – посмотрим, что ты изловишь!

Подойдя к быстро текущей воде, маленький Андрюша закинул свою удочку с пескарем в поисках ну очень большой рыбы.

Скажем прямо, рыбацкая удача не заставила себя долго ждать! Поплавок юного рыболова внезапно нырнул под воду и не растерявшийся Андрей подсёк свою долгожданную рыбу и с трудом стал подводить её к берегу. На поверхность воды, прямо к ногам мальчика, вышла довольно-таки крупная щука, заглотившая живца. Посмотрев на рыбу, маленький рыбак взболтнув ногой прибрежный ил и взмутив воду, ослепил рыбину, и аккуратно взяв обоими руками за её глаза, выбросил свой трофей на берег. Глотнув воздуха, пойманная рыбина, запрыгала по прибрежным камням, пытаясь уйти в родную стихию, но не тут-то было. Подбежавший Андрюша, как сокол, набросился на неё и цепко схватил пытавшуюся улизнуть от него добычу. Заметивший возню внука с рыбой, старый ветеран, подбежав, сильными руками, одно слово кузнец, в кузне работал, схватил бьющуюся рыбу и поместил её в ведро. Куда там! Вмиг рыбина, которая даже не влезла в рыбацкую ёмкость, выпрыгнула наружу и продолжила свой танцевальный марафон к реке.

Озадаченно посмотрев на крупную рыбу, старый рыбак сильными руками кузнеца «успокоил» щуку и выдохнул: – Обловил ты меня, внучок! Знатная тебе щучина попалась, поди кило на четыре будет! Отменные пироги баба Анна напечёт, аж на целую неделю хватит! Спасибо тебе, Андрюша!

Радостно улыбнувшись в ответ, юный рыбак, пошарив в ведре с живой рыбой, поймал и насадил на большой крючок своей мощной удочки довольно-таки крупную красноглазую сорогу, поблёскивавшую серебром своей чешуи в лучах утреннего солнца, после чего забросил своего ну очень большого живца на быстрое течение.

– Ну ты даёшь, – с недоверием посмотрел на внука его дед, – посмотри, какая большая сорожина у тебя, да таких щук в нашей реке, которые бы клюнули на неё, отродясь не бывало!

– Посмотрим, – многозначительно посмотрел рыбачок на своего деда, – местные старики мне рассказывали, что раньше, ещё при царе, здесь преогромные щуки водились!

– Да мало ли что старики бают, – недоверчиво посмотрел на Андрея его дедушка, – вестимо, сказки всё рыбацкие!

Увлечшись разговором со своим дедом, маленький рыбак, посмотрев на поплавок, не нашёл его на поверхности воды. Приподняв удочку вверх, пытаясь вытащить живца, он почувствовал неподъёмную тяжесть, словно бы поймал большой топляк или подводный камень.

– Ну вот, – разочарованно посмотрел Андрейка на деда Славу, – мёртвый зацеп, видимо живец под камень ушёл или под бревно-топляк!

– Да, жаль уду, – сочувственно посмотрел на него дедушка, – знатная у тебя снасть, городская, попробуй, может достанешь...

Попробуй!

Удочку и в самом деле было жаль...

Зайдя по колено в воду, рыбачок пытался под разными углами сдёрнуть с топляка своего живца и тем самым спасти удочку.

Правильно сказано, что у того, кто делает, всё получается.

Так и в этом случае, неподъёмная, огромная тяжесть поднялась с грунта реки и понукаемая усилиями рыбачка стала подниматься на поверхность. С большим усилием подтаскивая к

себе нечто огромное, наш юный рыболов-спортсмен недоумевал, что же такое большое и сильное поднимается к нему с глубины реки. Когда это «нечто» полностью всплыло и показалось на поверхности воды, Андрей подумал, что вытащил большой топляк, которые, увы, были не редкость на этом месте как следствие потерь молевого сплава.

Но это был не топляк!

К ногам рыбачка подходила, как боевая торпеда, несуразно огромная, гигантская щука!

Да, то ж была щука!

Большущая, действительно размером с бревно-топляк, древняя, светло-коричневая, вся спина которой была испещрена старыми ранами от острог и вил, из страшной пасти которой, наподобие крокодильей, свисали, как сомовьи усы, несколько старых блёсен с поводками. Подойдя к рыбачку, застывшему в ужасе в воде, едва ли не в упор, гигантская многометровая щука грозно посмотрела на юного рыбака, словно бы спрашивая «что тебе надобно от меня?».

Затем, так и не дождавшись ответа, смотря прямо в глаза юному рыболову, рыбина не торопясь пошевелила своими чудовищными челюстями, перетирая в труху особо прочный, новый металлический поводок. После чего, ещё раз грозно, с немым вопросом посмотрев в глаза юному рыбаку, «включила задний ход», и так же по-царски не торопясь растворилась в чистых водах Сухоны-реки.

Долго ещё стояли на берегу реки потрясённые рыбаки и как зачарованные смотрели на таинственные воды, только что явившие им настоящее чудо.

На Саланге-реке Рассказ

*Памяти близких:
Расторгуевых Вячеслава Ивановича,
Анны Кирилловны
и Мельничук Агнии Вячеславовны
Посвящается*

Ранним утром в одной из изб в северной деревне-деревушке Сергиевка, что затерялась на необъятных просторах Тарногского района Вологодской области, зажётся свет.

– Ну, куда вы ни свет ни заря, – укоризненно смотрела на своих внуков Андрея и Николая их бабушка Анна и продолжала своим певучим окающим вологодским говорком, – спали бы ишо, робята, сумерешно ишо так, что даже загороды не видно, а я вот робить буду, робота меня ждёт, на поскотине серавок обряжать буду.

С этими словами бабушка вышла из дома, подзывая к себе во дворе овец: – Чака, чака, чака!

– Ну что, орлы-орёлики, – с любовью посмотрел на своих внучков их дед Слава, – хоть и сумерешно ишо, но до Саланги-реки путь неблизкий, собирайтесь, Андрюша, Николаша, впрочем, вам мамани и без меня помогут.

Сёстры Лия и Агния споро и быстро одевали своих сыновей, подготавливая их в дальний рыбацкий поход, перед этим накормив рыбацков и приготовив им бутерброды – «тормозки», на дорогу.

– Всё, тятя, одеты, – улыбнулась своему отцу Агния и с любовью погладила сына Колю по его тёмным волосам.

– Ну ты, славнуха, пригожая, – привечал и в самом деле красавицу-дочь её отец, – быстро обрядились, молодцы! А чуни-то, чуни какие баские и знатные у внучков, одно слово – городская обувка, молодцы, девки!

– Спасибо, папа, – с любовью посмотрела на батяню красивая, как испанская цыганка, старшая дочь Лия, – до вечера-то хоть управитесь, мы к ужину ждать вас будем.

– Вернёмся, Лия, не беспокойтесь, – заверил их отец и одёрнул баловавшегося непоседу младшего внука, – счунься, остановись, Николаша, что ты как векша изгиляешься! Звона какой увалень, а все шалишь! Зря что-ли тебе седин баял, если будешь варзать – не возьму на Салангу-реку! Смотри, в чулане будешь ночевать, поперешный такой, вместо реки-то, чтобы неповадно было! И зачем ты вчерась соседку вельмой обозвал, какая она тебе ведьма?!

Маленький Никола после замечания дедушки и в самом деле успокоился и перестал шалить.

– Ну а топерича, – испытующе посмотрел на детей дед, – уды и червяков возьмите и айда за мной, и чтобы не стонать и не шебуршать по дороге, хоть и неражая дорожка-то будет. За мной идти как маяка держаться, лесок там небольшой, в нём я как огломызда буду!

И в самом деле, их дед Слава был самым настоящим «огломыздой», то есть по деревенскому языку ну очень высоким человеком, и как только с его ростом он в кузне управлялся! Выйдя с внуками из избы, они пошли по направлению к дедовой бане, что стояла на отшибе деревни за загородой – забором околицы, в аккурат на границе колхозного поля. Идя по поспевающей ржи, любуясь синими-синими, как ясное небо, васильками, «младоотделение» деда уверенно вступило в лес и пошло по лесным тропам, известным только Богу и их деду.

– Вот ты падина, плохая какая, – беззлобно выругался дед, споткнувшись о лесной пенёк, и посмотрел на детей, – осторожней идите, робята, под ноги смотрите, тропинка неражая, плохонькая, да и в лесу сумеречно ишо, сам иду как слепой на перегороду, ничего не вижу.

Да, тропинка и в самом деле была неприметной, и в утренних сумерках идти по ней надо было осторожно. Впрочем, не успев как следует устать, рыбацкое отделение подходило к месту их отдыха и рыбалки. Саланга-река показалась внезапно, стоило лишь закончиться лесу. Вид её был очарователен и прекрасен: лесная красавица несла свои чистые и прозрачные воды посреди необъятной вологодской тайги. Где-то она была широка, а местами, минуя свои протоки и глубокие ямы-бочаги, превращалась в небольшой мелководный ручей, который весело журча, гнал свои хрустальные студёные воды по выступающим камушкам грунта реки. И в этих местах лесную речушку запросто можно было перейти вброд, нисколько не рискуя при этом.

– Ну как? – спрашивал дедушка у детей, – Баско здесь?

– Да, красиво, – согласились с ним его внучата.

– Вот, робята, – поучал своих внуков дед Слава, показывая им таёжную речку и рассказывая про её рыбацкие секреты, – в этой яме, а здесь шибко глыбоко, щучина агромадная живёт, здесь лучше не купаться, а вон там на малой воде пескариный рай!

Дед, посмотрев на внуков, широко улыбнулся.

– Впрочем, – нарушил недолгую паузу дедушка, – пришли мы сюда не за щукой или пескарями, этого добра и в Сухоне-реке хватает! Ловить мы с вами, братцы, хайрузов станем, знатными хайрузятниками вас сделаю, даже не сомневайтесь, потому как хайрузов и хайрузят здесь немеряно!

Подойдя к мелководному и широкому ручью с быстрым течением и хрустально-чистой водой, старый рыбак забросил свою насадку в беловодье Саланги-реки. Не прошло и минуты, как рыбак подсёк неведомую рыбу и осторожно подведя её к берегу, выбросил её на прибрежные камни. На мелкой гальке прыгала довольно-таки крупная пятнистая, как форель, поблёскивающая на солнце своей чешуёй красивая и гордая рыбина, раскрывшая диковинный для детей свой парус-плавник.

Хариус!

– Ну, вот мы и обрыбились, робята! – радостно изрёк их дедушка, весело посматривая на внуков, – Знатного я хайруза зацепил, теперь и вы попробуйте такого же изловить, зря, что ли уды от самой деревни несли!

Подойдя к берегу искрящегося на солнце ручья-переката, дети обомлели: в чистоте родниковых вод Саланги-реки они заметили множество мелких и крупных хариусов, которые тыкались в камни и грунт реки, разыскивая свой утренний корм, лениво перекатываясь на быстринке ручья.

– Вот это да! – восхитился старший брат Андрюша, посмотрев на младшего, – В воде всё видно, как на ладони!

И действительно, наши юные рыбацки принялись ловить диковинную для них рыбу, наблюдая не сколько за поплавками, а ясно видя, как подходящая рыба брала в рот наживку и заглатывала её. Поэтому никакого труда не составляло удачно подсекать и выбрасывать на берег трепыхающихся на тонкой лесе изловленных красавцев-хариусов.

Да, рыбалка удалась!

Наловив большое количество разновеликих хариусов, которых они видели впервые, братья счастливо переглянулись – рыбалка удалась на славу!

– Слава Богу! – задумчиво посмотрел на небо и перекрестился их старый дед, – Не подвёл Святой, дал порадовать внуков! Ну что, робята, есть Бог на свете, поры-балили мы, топерича пора и честь знать, да домой топать. Молодцы мы с вами, внучата, так и скажем, молодцы!

В небе над счастливо улыбающимися рыбацками, в ответ им улыбалось и светило ласковое солнышко, да где-то за лесом раскинулась широкая радуга, даря надежду, веру и любовь!

Акула Рассказ

А собрались как-то рыбачки в незапамятные времена порыбалить на Кушту-реку, которая несёт свои чистые воды в самой глубинке Русского Севера Вологодской области. Справно так собрались, и снастями различными, прям скажем, затарились, и провизией, и тем, что покрепче. Были у них и удочки, и спиннинги, и сети. Короче говоря, всё было. Дело было уже по летнянке, нерест уже закончился, поэтому кидали наши рыбачки свои блёсны и насадки куда ни попадя, да вот, правда, всё зря. И не клевало у них, и хищник, как говорится, на блесну не садился. Совсем заизнемогли рыбачки: как же вечер, а рыбы нет, даже на ушницу и на пробу коту не изловили они ничего!

Что делать?

– А если сеткой попробовать? – предложил один из рыбачков, – Зря что ли лицензию на сеть брали?!

Вначале было слово, это верно сказано.

Что ж, сказано – сделано. Накачали наши рыбаки резиновую лодку, хорошо так накачали, и столкнув своё плавсредство в воду, поставили-таки сеть от берега и до небольшого островка, в аккурат по самому мелководью. Правда вот с сетью вышла небольшая промашка у них: вместо того, чтобы выставить сеть на рыбью мелочь, поставили они сеть на самую, что ни на есть, крупную рыбу. В итоге ловила гигантская 80-миллиметровая ячея долго, упорно и безрезультатно. И там, где мелконькая 25-миллиметровая сетка была бы уже полностью забита мелкой рыбёшкой, их горделивая снасть под огромную и крупную рыбу царственно молчала и не шевелилась, поплёскивая на заходящем солнце своими непотопляемыми большими поплавками.

А раз на их рыбалке наступил, что называется длительный перекур, так наши рыбачки, разведа костёр на самом берегу реки, делились своими нехитрыми рыбацкими побасёнками.

– Вот у меня, братва, – вступал в разговор неугомонный дед Сидор, – в Тарноге и Тотьме родня есть, так вот случай от них знаю. К рыбалке отношения особливо он и не имеет, но рыбка в нём будет. Кстати, знаете как переводится со старого финно-угорского наречия Тотьма? Не знаете, эх вы! Тод – колдун, ма – река... Так вот и переводится: река, на которой живёт колдун...

Хитро посмотрев на всех и улыбнувшись в свои седые бороду и усы, Сидор Матвеевич степенно и не торопясь продолжил свой рыбацкий рассказ: – Давненько это было, ещё при царе-батюшке, по Сухоне-реке и до Тотьмы и до Тарноги и куда подалее ходили старые колёсные пароходы. Так вот, баюкала одна молодая мамочка на руках своего ребёнка на палубе парохода, да не удержала растяпа и обронила дитя прямо в воду...

– Ну и что, – нетерпеливо перебил его конопатый Гришка, – утоп малец?

– Эх, если бы утоп, – с сожалением глянул на молодого товарища дедок и с какой-то грустью продолжил, – нет, не утоп малец в тот час, видно планида така на роду ему зробрена была... Поднялась с глубины реки гигантская щука, прям большая белая акула, что по телику показывают, и заглотила ребёнка не хуже заправского крокодила, а потом вглубь ушла! Говорят, мамаша та, увидев такое, с ума сошла, вот как люди бают... Хотя, впрочем, даже по мне, чудно всё это и невероятно.

– Ну, старик, – с недоверием покосился Григорий на дедулю, – ты это загнул, дед Сидор! Чтобы у нас на Сухоне водились такие щуки и ели младенцев! В жизнь не поверю, пока сам такую рыбину самолично не увижу! Вот так!

– Эх ты, Фома неверующий, – огорчительно глянул на конопатого мужичка дедок, – не каждому дано увидеть её, если она и дожила до наших дней! Впрочем, всё во власти Божией!

После этого все замолчали. Кто-то поглядывал на блики костра, зачарованно подсвечивающего ранний вечер. Кто-то любовался прекрасными видами залива и речной панорамы, щедро приправленной сосенками и елями, окружившими все берега неспешно несущей свои чистые воды Кушты-реки.

Вдруг небольшое озерцо-залив между большой землёй и островом закипело от игры неведомо откуда взявшейся огромной рыбины, и внезапно на поверхности показался огромный, как у большой белой акулы, верховой плавник неведомой гигантской рыбы.

– Щука! – ахнули дружно рыбаки и их, словно ветром, сдуло на речной берег.

А рыбина действительно была хороша!

Залив буквально кипел от её охоты! Рыба, и даже щуки поменьше, до 2-3-х кило, едва ли не выбрасывались на берег, когда огромная щука принялась за своё царское пиршество!

– Ну, прям, акула! – с восторгом высказался один из рыбаков, приготовив невесть откуда взявшиеся у него в руках вилы.

Другой рыбак уже взял наизготовку охотничье ружьё, настороженно шупая двухстволкой ожившую от всплесков рыбины воду залива.

– Не надо! – небрежно остановил своего молодого друга с ружьём дед Сидор, – Сеть сработает, в аккурат, у неё ячея под эту акулу!

Видимо насытившись и всплыв на поверхность едва ли не полностью, гигантская щука, подобно боевой торпедой, устремилась к выходу из залива, надёжно перекрытому крупноячейной могучей сетью. Было видно, что эта щучина гораздо более двух метров в длину. На её спинном плавнике были чётко видны старые белевшие отметины от остроги, а от внушительных зубастых челюстей огромной хищницы, как сомовьи усы, отходили несколько старых блёсен с поводками.

Точно акула!

Без всякого усилия, даже без какого-либо разбега, огромная щука, подобно белой акуле, «торпедировала» словно гнилую нитку, крупноячейную, новую и крепкую рыбацкую сеть, оставив в ней огромную рваную дыру и, грозно посмотрев на рыбаков, словно бы запоминая их, горделиво взмахнула большим тёмно-зелёным хвостом и устремилась по направлению к Кубенскому озеру!

– Вот это щука! – восторженно сказал конопатый Гришка-рыбачок, протирая глаза, словно бы ему привиделось всё это, – Акула, просто акула...

Айк Рассказ

А снег был белый-белый.

Он кружил, заигрывая с утренним январским ветром, и казалось, что его белые полчища пленили целый свет, заменив его собой.

Выйдя из деревенской избы, старик закашлялся, но, тем не менее, отважно вышел на белый свет, атакуемый со всех сторон белоснежным войском. Вслед за пожилым человеком в белом армейском полушубке из тепла дома и веранды вышел огромный матёрый английский бульмастиф – очень большая собака палевой раскраски с чёрной маской на морде и большими умными карими глазами.

– Ну что, Айк, – обратился старик к своей собаке, которая выйдя на крыльцо поймала и слизнула языком летящую снежинку, – смотри, сколько снега сегодня намело, уборки нам, парень, хватит.

Пожилого человека, а это и был наш старик, звали Антон Кузьмич Подшивалов, старый армеец, майор в отставке, отслуживший всю свою сознательную жизнь в артиллерийских войсках и приехавший таки на свои длинные пенсионные выходные в гордом одиночестве в старый дом, оставшийся в наследство ещё от родителей.

Дом тот стоял в лесу, на самом берегу вольной и широко раскинувшейся Кубены-реки, что несла свои чистые и свободные воды в самом сердце северной Вологодской области. Не то что у отставного майора не было никаких дел в родном городе, дела были, но всё-таки оставив свою жену нянчиться с внуками, наш Кузьмич решил таки после празднования Нового Года «встряхнуться» в родовом имении. Посмотрев на белый свет и подышав свежим воздухом, наш герой зашёл обратно в дом, где не торопясь, обстоятельно, по-деревенски стал растапливать русскую печь и подтопок. Убедившись, что огонь в печи ровный и хороший, он частично прикрыл печь заслонкой, чтобы не летели искры, и бросив своей собаке короткое «пойдём, погуляем», вышел из дома.

Взяв в веранде большую лопату для уборки снега, отставник принялся убирать снег, насвистывая ему одному известную мелодию. Весело посматривая на летящий со всех сторон снег, бульмастиф Айк степенно сопровождал своего хозяина повсюду, благо на улице было не так холодно, всего-то минус три, и поэтому, даже в своей короткошёрстной «шубке» Айк чувствовал себя вполне хорошо и комфортно.

Убирая снег от дома и расчистив его аж до самых ворот, Антон Кузьмич дружелюбно похлопал рукой стоящий у дома старенький японский внедорожник «Монтеро»: – Не замёрз, дружище?

И улыбнувшись, стряхнул снег со своего джипа. Вернувшись в дом с постоянно сопровождавшей его собакой, Кузьмич приготовил себе нехитрый завтрак, состоящий из пары бутербродов и вкрутую сваренных яиц, заварил свежий чай. Затем, убедившись, что русская печь и подтопок протоплены, посмотрев, что не осталось горящих угольков, старик skutал печь, закрыв все вьюшки-заслонки. Глянув ещё на печь и осмотрев её, ибо угореть никому не хотелось, отставник удовлетворённо улыбнулся, и включив дачную магнитолу, пошёл завтракать.

Позавтракав, наш герой засобирался на реку, как же рыбацкие жерлицы – донные удочки без поплавков с насаженными на тройники живцами, ждали своего хозяина на нескольких речных лунках ещё со вчерашнего дня.

Одевшись, Кузьмич по привычке пристегнул к портупейному ремню большой охотничий нож. Хотел взять и свой карабин «Сайга», но потом передумал, рыбалка – не охота! Да и лунки находились от его дома буквально в десяти минутах ходьбы, ибо дом стоял практически на

самом берегу реки, окружённый мохнатыми соснами и елями. Просился с ним и его верный телохранитель, но на этот раз, сам не зная почему, Кузьмич решил не брать с собой пса. Закрыв дом и оставив собаку в веранде, благо света в ней хватало, окно большое, широкое, застеклённое, старик, выходя, закрыл для надёжности и веранду на ключ. А вдруг кто-нибудь придёт? Хотя, кто мог придти к нему в заброшенный в лесу дом? Поэтому Кузьмич, побряхтев так по-стариковски и потоптавшись в валенках на крыльце, прихватив с собой нехитрые рыбацкие принадлежности, пошёл к реке. Миновав расположенную рядом с лесом старую баню и не менее старый сельский пруд со спавшими там карасями и карпами, отставник уверенно шёл по тропе через редкий лес, направляясь к реке.

Она, как всегда, открылась внезапно, стоило лишь закончиться лесу.

Подходя к заметённым снегом старым рыбацким лункам, Кузьмич приподнял фанеру, закрывавшую лунку от снега, и нащупав лёску, стал неторопливо выбирать живца на поверхность. Есть! Лёска туго напряглась и, звеня в напряжении, заходила в пульсации мелкой дрожи в руках старика. Попался кто-то! Улыбаясь своей рыбацкой удаче, счастливый Антон Кузьмич подтаскивал сопротивляющуюся рыбину на поверхность.

– Щука что ли? – вслух подумал Кузьмич, лихорадочно выбирая лёску, – Хотя не похоже, тяжело и плавно идёт, практически без рывков.

Наконец в лунке показалась большая тёмная, извивающаяся как змея, усатая рыба. Налим!

– Ох и хорош! – не удержался и вслух возрадовался отставной майор, вытаскивая большого налима на снег, – Поди, килограмма на три потянет! Эх, знатный пирог внукам будет!

Смотря, как крупная рыба выплывает на льду своей танец, Кузьмич довольно улыбался, снаряжая жерлицу новым живцом и запуская маленькую рыбку в лунку, также заботливо закрывая её фанерой. Положив налима в свой рыбацкий полиэтиленовый мешок, старик перешёл к следующей лунке.

Всего их было три, но поставлены они были в самых удачных и проверенных местах. Подойдя ко второй жерлице и проверяя её, старик почувствовал на конце лесы тупые короткие толчки попавшейся рыбы. Насвистывая радостную мелодию, Антон Кузьмич подтащил к краю лунки и достал на свет божий трепыхающегося судачка весом около килограмма. Повторив свои нехитрые рыбацкие действия, старик подошёл к третьей лунке, где проверяя снасть, почувствовал, что рыбка попала немаленькая и с ней придется повозиться. Чувствуя, как кругами большая рыбина, напрягая толстую лесу, ходила из стороны в сторону, Кузьмич безошибочно определил клюнувшую и севшую на живца рыбу. Так и есть, щука! Счастливо улыбаясь, отставник не без труда доставал из большой лунки крупную щуку, которая, очутившись на поверхности, забила на льду своим пятнистым хвостом.

– Ох и хороша! – пропел старик, – До чего же знатные пироги получатся!

Поднимая крупную, весом около четырёх килограмм, рыбину, Кузьмич аккуратно поместил её в свой рыбацкий мешок.

За спиной послышался шум и чьё-то рычание.

Старик обернулся и заметил трёх больших матёрых волков, которые скалились в своих беспощадных улыбках.

– А, пожаловали санитары леса, – негромко сказал Кузьмич и пожалел, что не взял карабин и собаку, – так значит, проголодались, из леса вышли, ребята...

«Ребята» стояли в нескольких метрах от старика и скалили зубы на свою жертву.

– Вот что, ребята, – посмотрел на волков отставник, незаметно доставая охотничий нож и обнажая его, – я не торопясь пойду, всю рыбу вам оставляю, кушайте, то, что не доедите, я потом возьму, когда с карабином обратно приду. Согласны, ребята?

При этом старик вывалил хищникам пойманную рыбу, но «ребята», игнорируя угощение, жадно и плотоядно посматривали на медленно отступающего от них старика.

– Что, рыбы вам не надо? – отходя по тропке спиной к показавшейся уже бане, спрашивал у хищников Кузьмич, – Кого же вам надо? А-а, меня... Подождите, ребята... Вот дойдём до дома, тогда поговорим...

Внезапно решившись, все три волка бросились на Кузьмича, так некстати запнувшегося, потерявшего равновесие и упавшего спиной на снег. Моментально выбрав и определив из волчьей троицы вожака, старик по самую рукоять большого охотничьего ножа вонзил клинок в упругую волчью плоть. И ещё когда два других волка стали терзать его, отставник двумя короткими ударами ножа добил вожака, который скуля, сполз с него, хрипя и разбрызгивая тёмную кровь на снегу. Волки отскочили, почувствовав смерть своего вожака, затем вернулись, подходя к старику.

Кузьмич тоскливо посмотрел на дом: далеко, даже истекая кровью, он не успеет доползти до него, как звери разорвут его. Тем более, разодранные зверьём ноги болели и сковывали его, причиняя острую боль при каждом движении. С огромным трудом, подползая к дому по снегу, обагрившемся кровью, его кровью, старик вспомнил в очередной раз, как он опрометчиво не взял с собой карабин и собаку.

Собаку!

Словно бы вспомнив что-то, Кузьмич позвал, привставая над снегом: – Айк! Ко мне, Айк!

Довольно улыбаясь своими людоедскими улыбками, волки заходили на свою последнюю атаку на человека.

Словно бы взорвавшись изнутри разбитым стеклом, из окна веранды, невероятным прыжком, разбиваясь в кровь от разбитого стекла, вылетел грозный бульмастиф!

Айк!

Одним мигом матёрый бульмастиф настиг волков и тут же верная собака, закрыв собой хозяина, приняла свой последний неравный бой с лесными хищниками. Крутясь в одном яростном клубке, в поединке с двумя огромными матёрыми волками, старый бульмастиф, не обращая внимания, как волки грызли и убивали его, делал свою работу, свою последнюю работу.

Вырвав глотку одному из волков, который захрипев, задрыгал лапами, агонизируя на снегу, истерзанный бульмастиф дрался с последним волком. Грызя и убивая друг друга в беспощадном поединке, собака и волк бились не на жизнь, а на смерть. И если волк хоть как-то пытался уже защитить только свою уходящую жизнь, собака билась с ним, умирая, защищая жизнь того, кого любила больше всего – своего хозяина.

Коротко, по-щенячьи завизжав, последний волк забился в предсмертных конвульсиях, когда умирающий бульмастиф мёртвой хваткой взял его за горло и сдавил своим последним усилием.

Всё!

Умирающий пёс, истекая кровью подполз к лежащему на снегу хозяину и доверчиво положил ему на грудь свою большую мужественную голову.

– Айк! – плакал в полном одиночестве старик.

Но ничего ему не ответил ни Айк, ни сумрачный лес, шумевший над его головой и поющий свою какую-то старую печальную песню.

Кузьминична

Рассказ. Основан на реальных событиях

Я услышал этот рассказ от случайного попутчика в поезде «Архангельск – Москва», мне приходилось направляться в Белокаменную из Архангельска, незнакомец подсел на станции «Вологда».

Обычный мужик, как и многие из нас, на вид под пятьдесят, доброе лицо, с изрядно поседевшей головой, и седыми, белыми – белыми, как у Деда Мороза, усами и бородой.

Сами понимаете, путь до столицы не близкий, вот и сблизилась в дороге, словно бы почувствовав родственные души.

Моего случайного попутчика, как оказалось, звали Алексей Егоров, отставной капитан милиции. Слово за слово, за нехитрым мужским разговором, под «рюмку чая», рассказал мне Алексей историю из своей милицейской жизни, которая, видимо, до сих пор, трогала его сердце и тревожила память.

Дело было в начале двухтысячных, в маленьком поселке Шарденьга, что далеко на севере Вологодской области.

В тот день, заступил на дежурство Алексей Егоров в поселковом отделе милиции в качестве старшего следственно-оперативной группы, потому как из всего «доблестного экипажа» сотрудников он был старше всех и по чину и по званию – как же, старший лейтенант милиции, целый старший дознаватель поселкового отдела милиции.

В дежурной комнате находились дежурный, как его все звали по возрасту, уважительно – Петрович, его помощник, да молодой лейтенант оперуполномоченный уголовного розыска.

Сбоку от пульта, из небольшого цветного телевизора, важно вещал с экрана лысоватый мужик, по лисьи улыбаясь, что, мол, все вовсе даже хорошо в сельском хозяйстве, и жизнь в деревнях и малых городах налаживается, растет фонд национального благосостояния.

– Переключи его, – с пренебрежением указал Петрович своему помощнику, старшине, – надоел уже!

На других кнопках телеэфира на экране извивались как змеи, практически голые девицы, бешуясь в непонятном экстазе с мужеподобными особями.

Толстые и не очень, господа с лошеными, напомаженными лицами, ведущие себя, словно агнцы, в глазах которых застыл тусклый волчий блеск, настойчиво убеждали, что они элита, сливки общества, уверенно ведут страну к своему процветанию, ибо и курс доллара устойчив и с рублем у них все в порядке.

– Выключи эти смывки общества, – распорядился дежурный, – нашли блин буратин, – и в дежурке наступила долгожданная тишина.

Из происшествий разное произошло в тот день, где-то украли бензопилу «Дружба», на танцах, на местной дискотеке, поскандалил местный буян – хулиган Дворыкин, и тому подобная «мелочевка», а что еще могло произойти в этот жаркий августовский день, в их богом забытой Шарденьге?

Поэтому когда из деревеньки Ключевка поступил вызов, что, мол, запропала старожил Кузьминична, дежурный Петрович важно раздувая рыжие усы, изрек: – Не буду, хоть тресните, не буду отправлять в заброшенную деревню опергруппу, мало – ли где эта старушенция бродит.

Вошедший в помещение дежурной части замначальника поселкового отделения милиции капитан Сиволапов прервал своего подчиненного: – Вот что Петрович, потребуется сам на «потеряшку» поедешь, никого не будет, – я поеду, и разберусь, какие вопросы Петрович?

Ну, на такой оборот у дежурного сказать ничего не нашлось, поэтому в тот же час в Ключевку была снаряжена и отправлена аж целая оперативная группа милиции, где старшим был старлей Егоров.

Сказано – сделано! И вот уже трясется по запыленным сельским дорогам наш милицкий УАЗ, а из кабины машины видна привычная безрадостная картина: покосившиеся от времени, старые почерневшие деревенские дома, давно заброшенные здания медицинских ФАПов, полуразбитые церкви с пустыми бойницами окон, словно после мамаевского нашествия, да заросшие различным разнотравом и чертополохом, бескрайние российские поля, к которым уже давно не прикасалась рука человека.

– Да, – глубокомысленно заявил водитель УАЗа, – гибнет деревня, и что поделывать тут? Кстати, кто нас встретит из заявителей?

– Увы, – безрадостно согласился старший группы и добавил, – звонил местный председатель сельсовета Петров, обещал встретить на развилке.

– Знаю Петрова, мужик обстоятельный, – вступил в разговор молодой опер угрозыска, – этот не подведет, обещал встретить, значит, будет на месте.

Действительно, при подъезде к межпоселковой дорожной развилке их подждал старый, тентованный «ЛУАЗ» председателя сельсовета.

– А, вот и Петров на своем «крокодиле», – оживился водитель, – так мы меж собой его луазик кличем, крокодилем.

Обменявшись крепкими мужскими рукопожатиями, Егоров и Петров договорились, что поедут к месту исчезновения на двух машинах.

Вновь затряслись на пропыленных сельских дорогах два внедорожника, сминая под своими колесами лесное разнотравье и глотая деревенские ухабы своими колесами.

– Приехали! – полу озадаченно протянул старшина-водитель УАЗа, когда милицкий автомобиль, вслед за председательским Л УАЗом буквально ткнулся носом, в разлив местной реки, образовавшей целое озерко, с островом, на котором находились семь старых деревянных домов – деревня Ключевка!

– Ну и как переправляться будем? – с немым вопросом посмотрели на председателя работники опергруппы, – вплавь?

– Не бойсь, – усмехнулся Петров, – лодка у меня тут имеется!

– Вот поплывете, – продолжал балагурить председатель, – а щука не дремлет, кусанет вас за это самое место, кому вы будете нужны?

– Кончай бухтеть, Петров, – урезонил развеселившегося председателя старлей Егоров, – работать надо!

– Работать, так работать, – послушно согласился Петров, отстегивая навесной замок от лодки, которая неприметно стояла в кустах на берегу.

Общими усилиями столкнули лодку на воду, все загрузились на нее, и председатель кратко проинформировал Егорова, что в своем доме отсутствует местный житель, Елизавета Кузьминична Петергова, старый ветеран, разменявшая девятый десяток лет своей нелегкой крестьянской жизни.

– Ну и как она здесь жила? – подгребая веслами к острову, спросил председателя молодой оперативник.

– Плохо жила, – помрачнел Петров, – сам посуди, деревня давно уже безлюдная, как к весне разливают здесь, ни людей, никого нет, даже автолавка с хлебом изредка ездит, только к зиме почитай, дорога по льду и налаживается.

– Хоть какие-то удобства имеются? – интересовался опер.

– Удобства? Какие там удобства? – переспросил председатель, когда лодка ткнулась носом в берег, – заходи в избу, сам посмотришь на ее удобства!

На самом берегу залива, одиноко стояла старая изба, с тремя окнами, выходящими на озерко.

Ни газа, ни электричества, ничего в ней не было, даже отсутствовал необходимый для зимы запас дров, из «удобств» – лишь холодный туалет в пристройке к дому.

Составив протокол осмотра, который ничего не дал, потому как в доме было чисто, ни каких следов криминала, борьбы, крови не выявлено, дознаватель дал расписаться в осмотре, объяснении, и заявлении о без вести пропавшей председателю.

Да и обстановка скажем, была не богатая, пара старых икон в красном уголке, какие – то старые плакаты времен СССР, расклеенные, вместо обоев на стенах, да пустой горшок, сиротливо стоящий на плите подтопка русской печи.

– Где бабушка, Петров? – задирает председателя молодой опер, – куда дел старушку?

– Хватит! – успокоил своим взглядом молодого лейтенанта Егоров, и сухо распорядился, – Так, обходите весь остров, осматривайте все избы, и ко мне с докладом!

– Сделаем! – как-то не по уставному ответил оперативник, и работники опергруппы разбрелись по острову, пытаясь найти куда-то запропастившуюся бабулю.

Впрочем, через час они собрались, разводя руками, мол, нет ее нигде!

– Семнадцатый, семнадцатый, ответьте Шарденгье! – вдруг зашебуршала, словно мышь, и проявила себя минирадиостанция.

Не торопясь, обстоятельно, по-деревенски, Егоров щелкнул кнопкой манипулятора рации: – Да, на приеме семнадцатый!

– Алексей, – голос у дежурного был какой-то напряженный, – у вас по соседству с базой механизаторов угнан автобус ПАЗ, перекройте развилку!

– Я еще не закончил осмотр, – с легким раздражением в голосе проинформировал дежурного дознаватель, – не пришел к выводу об обстоятельствах исчезновения женщины!

– Мне некого больше отправить, – упрямо настаивал дежурный, – вы у меня одни в этом районе, а бабуля, может, она по грибы пошла!

– Грибы здесь не водятся! – не без ехидства иронизировал Егоров, – Остров здесь, а вокруг вода!

– Стойте ребята, не ссорьтесь! – вмешался председатель, – Давайте сделаем проще, я ребят на лодке на большую землю свезу, и сразу обратно, а они пусть угонщика ловят!

– Хорошая мысль, – одобрил дознаватель и доложил дежурному о таком раскладе, который он, в тот час же одобрил.

Оставшись один, Егоров еще раз внимательно осмотрел обстановку: старые фото, запечатлевшие еще моложавую Кузьминичну с мужем и детьми, там были и более ранние фото Кузьминичны с ее молодым тогда супругом, фронтовиком-капитаном, с рядом орденов и медалей на груди и укоризненным взглядом, словно говорящим: «За что же мы воевали, ребята, за что же вы обрекли на участь такую, супружницу мою?» На верху шкафа нашлись ее старые, запыленные благодарности и почетные грамоты, в холодной подсобной комнате старые самодельные сети и верши.

– Осматриваешься? – поинтересовался у него за плечом вернувшийся председатель, – Не беспокойся Алексей, закончишь осмотр, я тебя обратно в поселок увезу, тем более дела у меня там.

– Да я и не беспокоюсь, – отмахнулся старлей, – ты мне лучше еще раз расскажи, как она жила здесь, одна?

– Вот так вот и жила, – начал свой печальный рассказ председатель, – мужа давно схоронила, а дети совсем забыли ее, даже на письма не отвечали!

– Смотри, – показал пальцем на пачку писем на столе председатель, – сколько не отправленных!

– Пробовали ее много раз направить в дом престарелых, – продолжал свой рассказ Петров, – да все отказывалась она, все надеялась, что приедут ее дети, и заберут ее, к себе в город, да вот не дождалась!

Они вышли из избы и встали на берегу залива.

Быстро вечерело, где-то озабоченно переговаривались лягушки, а в зарослях камыша и тростника в погоне за рыбьей молодью, гулко бухала крупная щука, в центре залива, среди зарослей белых кувшинок и желтых кубышек поднимала ил и пузырила воду неведомая крупная рыба.

Красота, да и только!

– Поди лещ, или карась крупный гуляет, – словно бы прочитав мысли Егорова сказал председатель, – насчет красоты ничего не скажешь, красиво здесь!

– Стой! – поймал себя на мысли дознаватель, – Я видел у нее в избе сети, она рыбалкой часом не промышляла? А если так, была у нее лодка?

– Даже не задумывался, – ответил Петров, – с другой стороны, да, если не рыбалить, с голоду ноги протянешь, хлеб допустим, она сама пекла, муки у нее в доме вдоволь, видимо закупалась в автолавке впрок, а консервов с нищей бабкиной пенсией много не купишь, да в доме ни холодильника, ни хрена нет! Короче, забыли все старую Кузьминичну!

– Вот что, – сообразил кое-что дознаватель, – давай-ка, на твоей лодке пройдем по заливу!

– Что искать-то будем? – улыбнулся председатель, – Вчерашний день, ой, как трудно найти!

– Должна быть у нее лодка, должна, – озабочено покачал головой Егоров, – я думаю и к автолавке на соседний берег, не вплавь она переправлялась!

– Мысль дельная! – согласился председатель, и оттолкнув лодку с берега, они пошли по заливу.

Как всегда верна пословица «Кто ищет, тот всегда найдет!», так и Егоров с Петровым буквально в первые минуты поиска обнаружили и достали из зарослей камыша и тростника маленькую самодельную лодку.

– Алексей, смотри! – ткнул в бок Егорова председатель, – В камышах сеть стоит!

Действительно, к древнему колу была подвязана старая, самодельная сеть, с крупной ячейей семьдесят миллиметров, в которой запутались пара уставших щук, по несколько килограмм каждая, да здоровущий трехкилограммовый золотой карась, вылитый лещ или карп.

Пройдя до конца сети, и не обнаружив ничего, поисковики выпустили живую еще рыбу в залив, смотали сеть, бросив ее на корму лодки.

– Стой! – остановил председателя, гребущего веслами по центру озерка, глазастый дознаватель, – Что это?

Действительно, из воды выглядывал, а глубина там была около двух метров, фрагмент всплывшей веревки.

Потянув за нее, дознаватель обнаружил страшную находку: на конце веревки находился труп старой женщины, с камнем на шее, и предсмертной запиской, в двойном целлофановом пакете, который она продолжала сжимать в своей исхудавшей руке.

– Кузьминична! – ужаснувшись, встал на лодке председатель и истово трижды перекрестился, – За что же это она себя так?

– Она?! – внезапно рассердился дознаватель, – А может мы все, своим равнодушием и безразличием убили ее?!!

– Окстись, Алексей, – отшатнулся от него, как черт от ладана, председатель, – при чем тут мы?

– Я не сужу тебя, – устало произнес старлей, – все, кто окружал ее, внесли свою лепту в ее смерть, каждый по-своему! Ты когда последний раз был у нее?

– Не помню, – признался председатель, – да и знаешь, сколько у меня таких кузьминичн в деревнях, да и формально это не моя работа, о каждой пенсионерке заботится!

– Одно меня еще заботит, – изливал свою душу председатель, – ну, похороним мы Кузьминичну, да вот кто за нее молиться будет? Ведь не положено же – самоубийца!

– Я буду! – отчеканил, как на строевом смотре, Алексей, – Ведь должна же быть справедливость и в этом мире, или хочешь сказать, что Бог менее милосерд, чем люди?!!

– Кто знает, – пожал плечами председатель, – кто знает...

На заливе, застывшим в своей красоте, все так же била хвостом щука, гоня малька, и так же неугомонно и бестолково вели свою незамысловатую перекличку лягушки. ВСЁ.

Тишина Рассказ

*Всем павшим при исполнении служебных обязанностей на Кавказе
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

О, августейший август!

Ласковый ветер весело играл с зелёной травой, робко обнявшей суровые камни предгорий Кавказа. В высоком по-южному небе от божественного пения порхающих птиц становилось светлее. Подлетевшая и севшая на камень большая тёмно-синяя стрекоза отразила в своих томных полных тихой неги огромных глазищах фигуру подошедшего человека.

– Какая красивая, – залюбовался гигантской стрекозой, маленьким аэропланом испуганно взлетевшим при его приближении, старший лейтенант Муромцев, – у нас на севере таких нет... И, господи, тишина-то какая!

И то верно, потому что было так тихо, что даже слышно, как звенел ледяной прохладой небольшой горный ручей поблизости.

Было лейтенанту на вид лет эдак тридцать. Светло-русая чёлка выбивалась из-под его пилотки, весело блестели голубые глаза, словно показывая, что всё хорошо у него, старшего лейтенанта милиции Муромцева Ивана Борисовича.

И хотя в этот августовский вечер он был далеко от своей любимой Вологды, но о ней ему напомнил стре-котнувший коротким звонком спутниковый телефон, который он выпросил у подъехавшего на их блокпост земляка-вологжанина комбата Терещенко.

– Ало, ало, – отвечал на звонок молодой лейтенант, – как слышно?

Наконец-то трубка ожила и в ней послышался встревоженный голос жены, родной далёкий голос.

– Ваня, ты где? Всё хорошо у тебя?

– Хорошо, – прокричал в трубку Муромцев, – забросили, правда, в командировку, в Кандалакшу, со связью тут не очень... Не расстраивайся, всё хорошо у меня... Дома-то как?

– Да всё хорошо у нас, – оживилась его жена, явно поверившая в его командировку в «Кандалакшу», – мать, правда, болеет, но ничего... Все ждём тебя...

Связь, коротко затрещав, прервалась.

– Ало, ало! – не унимался Иван, тряся телефон, – Вот, черти, не слышно ничего...

Одно, конечно, радовало, что жена не раскусила его маленькую военную хитрость, и поверила в его мифическую командировку на север страны.

Ну, не расстраивать же её, находящуюся уже на четвёртом месяце беременности!

К Муромцеву неслышно подошёл комбат Терещенко и взял у него телефон: – Связь здесь такая, успел хоть поговорить?

– Да, успел, – благодарно улыбнулся капитану старший лейтенант милиции, – спасибо тебе, Сергей.

– Не боишься снайперов, что лупануть по нам могут? – внезапно спросил его армеец, – Остерегаться, Ваня, надо, остерегаться!

– Тихо у нас, Сережа, спокойно, – посмотрел на комбата своими голубыми, как ясное небо, глазами Муромцев, – не командировка, а курорт!

– Ну, ты сказал, курорт! – пытливо глянул на милиционера Терещенко, – Говорю тебе, остерегаться надо, а то с этого курорта можно и не вернуться!

– Сам знаешь, за нами аул, дружественный нам, – заулыбался Иван, – его мы и прикрываем, как и эту дорогу, в свою очередь они помогают нам, всё на доверии. По вечерам с мест-

ными в футбол играем, хлеб, баранину от них получаем, короче, всё в ажуре: мы за них, они за нас.

Комбат с горечью покачал головой: – Не всё ты знаешь, Ваня, по свежим разведанным у нас в районе появилась банда Хасана, это до тысячи активных штыков... Не дай бог вздумают с твоим аулом за помощь федералам рассчитаться, не выдержите вы, на любой позиции не выдержите... Сам понимаешь, это не с местными красное винцо деркалить. И хотя наши вертушки охотятся за ним, но найти пока не могут, зелёнка, брат, понимаешь.

– Понимаю, – согласился с земляком старлей, – но если что, твои ребята помогут нам, правда?

– Правда, – подтвердил комбат Терещенко, – но до моего подразделения около сорока километров, если что, поспеем ли?!

– Успеете, – улыбнулся Иван, – должны успеть... У тебя ж там небольшая армия: и танки приданы, и БМ-21 «Град», да и десантники с мотопехотой чего стоят!

– Да, «Град» штука серьёзная, это тебе не мотопехота! – кивнул головой в знак согласия Терещенко, – Так ведь, Ваня, посуди сам: разведка у них не хуже нашей работает, и «чехи» на нас по определению не полезут... Впрочем, как земляк земляку, поможем милиции, и блокпост ваш прикроем! Вот что, у меня на борту БТР отделение солдат, принимай его... Правда, молодые, срочники, молоко ещё на губах не обсохло, совсем недавно от мамок... Ну, да это ничего... Вернусь в расположение, в рамках единой дислокации я тебе роту Петрова с парой танков и «Градов» на усиление направлю. Годится такой расклад?

– А то! – с воодушевлением согласился с армейцем его земляк, – Спасибо, тебе, Сереж, за помощь, спасибо, что не делишь нас на своих и чужих...

– Одно дело исполняем, общее, – строго посмотрел на Муромцева комбат Терещенко, – а что касается спасибо, так ведь встретимся в Вологде, вот стакан мне и нальешь, и выпьем мы с тобой за наше боевое братство и содружество! Сам понимаешь, я не из таких, чтобы армию и милицию делить, одно дело делаем!

Ещё раз дружелюбно посмотрев на офицера милиции, капитан Терещенко подойдя к своему БТРу скомандовал молодым бойцам оставаться на охране блокпоста и поступить в распоряжение старшего лейтенанта Муромцева. После чего, сердито фыркнув двигателем, грозная машина, набирая скорость, громыхая всеми своими колёсами, отъехала от «крепости» Муромцева и вскоре скрылась на пылящей каменистой дороге.

Старший лейтенант Муромцев не без юмора оглядел приданое ему «войско».

Эх, срочники безусые! Дети ещё, годков по 18 каждому! И за что же вас, ребята, на Кавказ?! Понятно, он – кадровый офицер милиции, у него дело добровольное и осмысленное – Родину защищать! Так ведь и в сорок первом страну отстояли такие же молодые и безусые солдаты. И вот сейчас они стояли перед ним: отделение совсем ещё юных созданий, в громоздких, явно не по размеру, неподтянутых и не застёгнутых касках и бронежилетах, за спиной которых топорщились старые автоматы Калашникова.

– Так! – посмотрел на свою «гвардию» старлей, – В вашем отделении старший кто?

– Я! – из строя выступил молодой белобрысый сержант, – Сержант Приходько, командир отделения!

– Слушай, сержант, – обратился к нему Муромцев, – размещай бойцов по точкам, вместе с моими милиционерами и со мной нас теперь двенадцать! Два неполных отделения! Рация-то хоть имеется, а то наша иногда глючит...

– Так точно, имеется, – лихо доложил сержант и выразительно щёлкнул по ларингофону армейской радиостанции, – в полной исправности, товарищ старший лейтенант!

Подошедшие к срочникам милиционеры познакомились с бойцами и совместно занимали заранее оборудованные боевые позиции.

– Эх, жаль бэтэра нет, – посокрушался Муромцев, посмотрев на сержанта-срочника, – у нас только УАЗик. Вот что, Приходько, остаёшься со мной с рацией связь поддерживать со своим командованием.

– Будет исполнено! – браво козырнул ему сержант и благодарно как-то посмотрел на своего нового командира.

– Вот и молодец, – улыбнулся ему старлей, – как звать-то тебя, сержант?

– Алексей, – робко представился Приходько, – маманя меня Лёшей звала...

– Ждёт небось мамка-то? – глянул на сержанта Муромцев, – Поди дни отсчитывает, как со службы вернёшься...

– Ну а как же, – согласился со своим начальником сержант, – мать она и есть мать... И меня, и всех наших дома матери ждут...

Внезапно их разговор был прерван мальцом Русланом, чернявым парнишкой-горцем с того самого аула, который они и охраняли.

– Дядя Иван, – обратился к нему запыхавшийся от бега мальчуган, – я с зелёнки бегу... банда Хасана там... огромная, не меньше тысячи боевиков... в наш аул идут... подслушал я их разговоры, говорят, что будут жечь и убивать за помощь русским!

– Спасибо тебе, Руслан, – тревожно посмотрел на юного горца милиционер, – беги в аул, пусть мужчины вооружаются чем могут, а старики, женщины и дети пусть уходят.

– Не успею я, дядя Иван, – едва не заплакал от бессильной злости мальчуган, – банда уже на подходе, а ваш блокпост её не удержит... Вас сметут, как сметает малую преграду разлившаяся полноводная горная река!

– Ты поспешай, однако, Руслан, – грустно улыбнулся старший лейтенант Муромцев, – мы не сдадим без боя ваш аул!

Ещё раз посмотрев на офицера милиции, мальчик заторопился в сторону аула.

– Отделение, к бою! – скомандовал старлей, – Банда Хасана на подходе, а там тысяча боевиков, сержант, связь!

По радиостанции Муромцев сообщил комбату Терещенко о приближении врага и запросил помощь вертушек.

Чёрной грязной рекой, грозно текущей на блокпост, навалилась на них банда Хасана.

И лопнула тонкой гитарной струной так долго радовавшая всех тишина.

Горы ожили от вспыхнувшей канонады автоматных и пулемётных очередей.

Было очевидно, что максимум десять-пятнадцать минут и их сомнут и чёрная грязная селевая лавина боевиков Хасана двинется на аул и уничтожит его.

Появились первые раненые: зацепило несколько срочников и его милиционеров-вологжан. Лёгкое ранение от шквала пуль получил и старлей и сержант Приходько.

– Где вертушки?! – едва ли не кричал, разрывая своим отчаянием радиоэфир, старший лейтенант Муромцев, – У меня половина личного состава ранены, сможете помочь нам?! Нам не удержать блокпост!

– Ваня, вертушки в другом квадрате, – по рации тревожно звучал голос комбата Терещенко, – разворачиваем их к вам, но не успеют они...

– А тогда, Серёжа, – задумался на секунду милиционер и сказал, чётко проговаривая свои слова, – у меня нет иного решения, как отправить свой личный состав из-под обстрела к тебе на УАЗе... а я... остаюсь здесь... буду драться до конца и сдерживать банду пока твои гвардейцы не ударят по моему квадрату из всех своих градусов... а там, может, и вертушки поспеют...

– Ты вызываешь огонь на себя, Иван, – изумлённо и горестно выдохнул комбат, – не делай так, земля... бросай всё и уезжай на машине со всеми, и я через пять-десять минут перепашу твой квадрат своими «Градами»...

– Не получится, Серёжа, – просто ответил старлей, – если я уйду, кто подарит аулу эти минуты?! А там женщины, старики, дети... земля наша... Родина то есть, яснее и проще говоря...

– Что, один остаёшься?! – хрипло переспрашивал его комбат, – У тебя кроме твоих отделение срочников!

– Мамы их ждут дома, Серёжа, – коротко выдохнул милиционер, – пусть дождутся своих безусых пацанов... А ты будешь в Вологде... к моим зайди... скажи, что не мог я иначе... и передай им, что люблю их всех очень и прошу понять и простить... А за меня, Серёжа, ты выпей... потом... Обязательно... выпей... Прощай, комбат...

– Прощай, Ваня, – потрясённо прошептал капитан, – и прости, что не смог...

Переходя от одного автомата к другому, старший лейтенант сдерживал натиск наступающего врага, смотря, как скрылся на горном серпантине его УАЗ, увозя всё его израненное войско и надежду на завтра, которое не наступит уже для него никогда.

Рубашка милиционера была уже не синей, а красной, как боевой стяг, от множества ранений, поразивших старшего лейтенанта.

Муромцев в последний раз посмотрел на синие-синие горы, словно курящие белыми облаками и совсем близкий аул, и печально как-то улыбнулся...

У нескольких грозно поблёскивавших на заходящем солнце боевых машинах реактивной артиллерии «Град» стоял комбат Терещенко.

По его щекам текли слёзы, и прежде чем отдать команду, он на секунду задумался, и коротко скомандовал: – По квадрату блокпост!

И замер по стойке смирно в отдании воинской чести своему воину-земляку: – За Ивана Муромцева, за Родину – огонь!!!

Оглушительно рывкнули в своей боевой мощи грозные «Грады», неся смерть и разрушение так и не взятому бандой Хасана блокпосту, разрывая на мелкие клочки подошедших к милицейской крепости бандитов.

И едва замолчали «Грады» в дело вступили всеми своими ракетами и пушками подлетевшие боевые вертолёты.

А потом наступила тишина.

Долг Рассказ

*Посвящается памяти Друга,
старшего прапорщика
Офицера Владимира Степановича*

Долг!

Слово это каждый понимает по-своему: одни улыбаются «кому я должен, всем прощаю», другие бычатся, что, мол, никому ничего они не должны, а вот иные понимают слово долг не как слово, а как свою пожизненную обязанность, нести которую они должны с честью перед страной и перед людьми.

К таким вот иным относился и старший прапорщик милиции в отставке Лозовой Юрий Петрович.

Прослужил с честью чуть более двадцати лет, а потому как службу ставил превыше всего, семьи он так и не заимел, зато имел поощрения и боевые ранения при задержаниях местных отморожков, и увольнение в запас по состоянию здоровья, а также «огромную» милицейскую пенсию около шести тысяч рублей.

Это в наши дни, когда даже его нищие гражданские коллеги получали несравненно больше!

Пробовал Юрий Петрович побороться за справедливость, но куда там! Везде, куда бы он ни обращался, его ждали сухие чиновные отписки, мол, не положено, инструкция такая-то запрещает, да «радовали» его вместе с отписками юбилейными памятным медальками, словно бы поощряли пса на собачьей выставке.

Хотя, даже к Дню Милиции и на День Службы забывали Юрия Петровича, и не поздравляли никак, даже открыткой, которую он иногда ждал с надеждой открывая свой почтовый ящик.

Благо пока бюрократы не изобрели инструкцию, запрещающую жить и дышать воздухом, устроился наш отставной прапорщик Лозовой по причине полного безденежья частным охранником, хотя здоровье и не позволяло, к местному «аллигатору-олигарху» Фролу Африкановичу Кузьменко, решившему сэкономить на услугах инкассации.

Посёлок Фирташи, что на севере Вологодской области, сравнительно небольшой, около одиннадцати тысяч населения, и почитай, все магазины от хлебного до бакалейного в их посёлке принадлежат Кузьменко.

Считался Фрол Африканович важным и нужным человеком у всей местной, как они сами себя называли «элиты» – горстки поселковых чиновников-бюрократов. Потому как у Кузьменко, кроме торговли, был ЗАГС, где работала его родня, хлебокомбинат, и даже кладбище, услуги на которое он успел «прихватизировать», хвастаясь при случае медалькой Парламента страны «Гордость нации», выданной за его предпринимательские, гробокопательские инициативы, и спонсорство церкви.

Так выходило, что все в посёлке были обязаны и зависели от Фрола Африкановича, от ЗАГСа, где регистрировали фирташчан, до кладбища, где этих самых селян и погребали, благо право на дыхание и саму жизнь Фрол Африканович ещё не догадался приватизировать.

Поэтому, даже умирая, фирташчане, продолжали работать на Африкановича, самым фактом своей смерти и погребения, принося ему прибыль.

Раньше Кузьменко, пока он ещё не «поднялся» на торговых делах, звали попросту Фролкой, но времена изменились, и теперь единственный на весь посёлок чёрный новёхонький «Майбах» возил уже не Фролку, а уважаемого Фрола Африкановича.

Ведь и ежу понятно, что Африканыч и в Африке Африканыч!

– Ну-ка, Гришка, – солидно поглаживая редкую рыжую бородёнку, по-купчески командовал своим водителем Кузьменко, – к Нинке в промтовары не едем, я вчера выручку снял, заворачивай к продовольственному!

Послушный водитель разворачивал машину туда, куда указывал его хозяин. Поди, послушайся Фрола Африкановича, где работу найдёшь в их нищенствующем посёлке?!

От нечего делать заводил словоохотливый предприниматель беседы со своим охранником, как он его солидно именовал при посторонних – «секьюрити»: «Вот скажи мне, Юрий, ну прослужил ты в милиции двадцать лет, ну и что она тебе дала? Пенсию в шесть тысяч рублей, да бесполезные побрякушки за выслугу лет, согласен со мной?»

– Ну как вам сказать, Фрол Африканович, – корректно отвечал умудрённый горьким жизненным опытом прапорщик, – в чём-то вы правы, в чём-то нет, самое главное, служил я за идею, верил в идеалы справедливости, в свой долг!

– Хм, идея, идеалы, долг, – нахмурил свой лоб Кузьменко, и хохотнул, щедро показав дорогие золотые зубы, – что они тебе дали, эти идеалы и долг? То, что живёшь сам в долг?

– Смотри, – воодушевлённо продолжал предприниматель, – сколько у меня магазинов, кафе, столовка, клуб, хлебокомбинат, всё на меня работает, даже кладбище прибыль приносит. В трёхэтажном доме бассейн с сауной и джакузи, в гараже, кроме «Майбаха», три джипа новых стоят, детки пристроены, учатся за бугром, и заметь, при этом я ни разу за кого-то в огонь и полымя не лез и не полезу! А что заработал ты?

– Пенсию, которую мне дают, – безрадостно кивнул головой отставной прапорщик, – государство оценило мой труд так, как сочло нужным!

– Но ведь ты сам согласился с этими условиями, – ядовито усмехнулся предприниматель, – зачем теперь жаловаться, поздно, батенька, поздно!

– Я не жалею ни о чём» – заверил своего работодателя Лозовой.

– Ой, ли? – усомнился Кузьменко, – Тебе жить...

Пока они говорили, машина подъехала к магазину

«Продовольственный».

Привычно и быстро приняв от заведующей деньги, Кузьменко уже хотел уходить в сопровождении своего «секьюрити», как был остановлен заведующей.

– Фрол Африканович! – умоляюще обратилась к нему уже немолодая заведующая магазином, – Можно у вас попросить выдать мне деньги под зарплату пораньше, сынишке-школьнику пришёл заказанный в магазине недорогой компьютер, выручите пожалуйста!

– Вот что, Катерина, – остановился у прилавка предприниматель, – денег я тебе не дам, все они в обороте, а компьютер, эка невидаль, возьми и откажись от него!

– Помогите мне, Фрол Африканович, – не выдержав, расплакалась завмаг, – у всех школьников дома есть компьютер, только у моего нет!

– Подумаешь, – пренебрежительно отмахнулся от слёз подчинённой предприниматель, – подумай сама, раз нет, значит ему и не положено, раз денег нет, нечего о компьютерах мечтать! А то, ишь чего удумала, денег до зарплаты просить!

– Как же так, – расплакалась ещё пуще прежнего женщина, – сын мой, он, что, достоин иметь для занятий свой компьютер?

– В школе пусть, на школьном компьютере занимается, – выкрутился хитрый предприниматель, и посуровел, – что слёзы зря расходовать? Иди, работай, а то у меня таких, как ты, желающих работать, очень много!

Увидев упаковки с соком «Добрый», разозлился: – Не люблю сок «Добрый», отказаться немедленно от этого поставщика!

С этими словами Кузьменко вышел из магазина.

Вместе с ним шёл отставной прапорщик Лозовой.

Разные мысли бродили сейчас в голове прапорщика, конечно, ему до слёз было жалко заведующую, и он сам поражался бездушию своего работодателя, и мысленно молился о смягчении его жестокосердия.

Сев в машину, предприниматель не выдержал: – Деньги ей подавай до зарплаты! Всем давать – разоришься! Моим деткам, которые в Англии учатся, если разорюсь, кто подаст?!

– Как считаешь, Юрий, – посмотрел на своего охранника Кузьменко, – Я прав?

– Вам видней, – уклонился от ответа благоразумный, много раз битый жизнью, прапорщик.

– Конечно, видней! – горячо ответил предприниматель и хитро улыбнулся, – Считаешь, что грешен я? А я вот свободные денежки отцу Алексею на постройку церквушки отвалю, и всё, безгрешен, простит мне священник все грехи мои!

– А я думал, грехи Бог прощает, – усомнился Лозовой.

– Что ты знаешь о Боге! – пренебрежительно махнул рукой Кузьменко, – Говорю тебе, заплачу денежки и безгрешным буду! Что ты знаешь о жизни?! Смотри, куда ни плюнь, везде наши – от нефти, газа, леса, заводов – кто денежки гребёт? Наш брат, предприниматель, даже президент, и тот наш, похож на нас, как две капли воды!

– Ой, ли? – не выдержав, засомневался отставник, – А я думал, что он гарант Конституции и прав всего народа!

– Ты что, – посмотрел на него Африканыч, как на пришельца с далёких звёзд, – думаешь, про кого он говорил, что своих в беде не бросит, про нас, про предпринимателей! Даже «братва» в предпринимателях ходит и вами, отставными ментами командует, забавно, да? А самим-то вам, волкодавам отечества, не противно волкам служить?!

– Но в любой момент президент может прекратить в стране бардак, – не сдавался патристически настроенный Лозовой, – я в это верю!

– В это ты веришь, – с явным презрением посмотрел на него Кузьменко, – захотел бы, давно прикрыл бы нашу лавочку, а так все в деле и у дела! Каждый зарабатывает на ближнем своём, как может и умеет, что ты хотел, это рынок! Всё продаётся и всё покупается, даже совесть, и твой, как там его, долг! Так-то вот, братец!

– Но что можно построить на разграблении духа, чести нации и отечества?! – голос отставного прапорщика звенел как струна, грозящая вот-вот лопнуть, – Ничего!

Но ничего ему не ответил предприниматель, и в машине наступила холодная тишина.

Тем временем, «Майбах» подъехал к магазину «Бакалея».

Неспешно выходя из машины, Кузьменко с неизменно полной сумкой денег в руках, и Лозовой, сопровождавший его, пошли по дороге, направляясь к магазину.

Вдруг из-за поворота вылетели красные «Жигули», было видно, что водила, безуспешно пытался справиться с машиной, у которой явно отказали тормоза.

Опешивший предприниматель тупо смотрел, как кролик на удава, на летящую прямо на него машину.

Как вдруг, резко прыгнувший отставной прапорщик, коротким, но сильным толчком, буквально вытолкнул из-под колёс «Жигулей», растерявшегося Кузьменко, а вот сам не поуберёлся: правым крылом автомобиля его ударило по ногам и отбросило далеко на асфальт.

Быстро вставая, целый и невредимый, Кузьменко, схватил с асфальта то, чем дорожил больше всего – сумку с деньгами, и запрыгнув в автомобиль, приказал водителю дать по газам и ехать побыстрее домой.

– А как же Лозовой? – недоумевал водитель, – Давайте ему хоть «Скорую» вызовем, вон бедолага лежит, не встаёт.

– У тебя есть мобила, звони, – сказал, как отрезал, предприниматель, – я за свой счёт звонить не буду никогда!

Одновременно управляя машиной, водитель по своему мобильному телефону вызвал «Скорую помощь» и милицию к месту происшествия.

В больнице, где Лозовой лежал с переломами обеих ног, его навестил только водитель шефа.

– Молодец, Юрий, лихо ты прыгнул, – улыбался водила, – я бы так не смог.

– А шеф, где он, придёт? – нетерпеливо спрашивал Лозовой, – Передавай привет ему от меня!

– Вот что, Юра, – помрачнел водитель, – свой привет лучше оставь при себе, шеф не придёт, в Англию к детям он уехал. Даже ни копейки на твоё лечение не дал, говорил, что ты и обязан так поступить, это долг твой! Ещё велел передать, как узнал, что у тебя ноги сломаны, в общем, уволен ты, Юра, больше не возьмёт он тебя, даже когда поправишься... А ты поправляйся, я вот тебе апельсинчиков от себя принёс.

Положив полиэтиленовый пакет с апельсинами, с оттопырившейся там бутылкой марочного коньяка, водитель поспешно ушёл, потому что ему было невыносимо больно смотреть на брошенного всеми и забытого, плачущего Человека.

Малолетки Рассказ

*Моему брату,
майору Мельничуку Николаю Николаевичу,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

На небе, словно бы щёлкнув невидимым рубильником, включилось северное сияние. Было бы понятно, если бы в это хмурое февральское утро небо озарялось бы игрой и причудливо бегающими всплохами где-нибудь на Севере или в Мурманске, но небо сияло и переливалось северной радугой над детской воспитательной колонией «Бобрики», что на севере Вологодской области.

– Ну и чудеса, – притоптывая ногами подмёрзший утренний снег у входа в КПП колонии подивился старший прапорщик юстиции Юденков, – смотри, Василий, как небосклон полыхает, как на настоящем севере!

Стоявший рядом с ним Василий Петров, начальник отряда данной колонии, он же по совместительству воспитатель-психолог, зябко поёжился: – Так у нас и есть север, Гриша, самый настоящий русский север! А то что чудо, да, согласен, северное сияние, да такое мощное, я вижу впервые!

– Смотри, смотри, как играет, – не переставая восхищался прапорщик, – красотень сумасшедшая!

– Всю жизнь на такое смотрел бы, – с сожалением посмотрел на небо капитан Петров, – но дела не ждут, пошёл к своим деткам-малолеткам, как они там...

– Деткам, – с укоризной глянул на капитана прапорщик Юденков, – и что тебе не спится в это воскресное утро, Василий Николаевич?! Своих детей по утрянке бросил, а наших зверёнышей проводить пришёл, выходной же, спал бы дома!

– Эх, прапорщик, – неодобрительно посмотрел на него Петров, – , для тебя может они и зверёныши, а для меня так дети малые.

– Дети?! Малолетки-то эти?! – не согласился с ним Юденков, – Да на них на многих клеймо некуда ставить, и убийцы, и насильники, и грабители! Бездушные твари, дай им волю, нас бы всех поубивали! Ты Фрозенкова помнишь, который отца родного уколошил? И таких жалеть?!!

– Не отца, а отчима, – не согласился с прапорщиком начальник отряда, – ты бы знал какой зверь был тот отчим! Я, конечно, Юрку Фрозенкова не оправдываю, но посуди сам, как измывался и издевался над ним и его матерью пьяный садюга-отчим: бил, выгонял из дома, и когда при Юре отчим стал душить и убивать его мать, Фрозенков и взялся за нож, защищая мать, а годков-то ему было всего четырнадцать! Силёнок не хватило, чтобы со здоровущим пьяным бугаём справиться, вот за нож и схватился!

– Ну ладно, – примирительно посмотрел на капитана Юденков, – с этим понятно, но и зверёнышей у тебя в отряде хватает!

– Хватает, – грустно согласился Петров, – но в каждом я вижу, прежде всего, и ребёнка и человека, пойми, от нас зависит, какими они выйдут на свободу! Сам знаешь, на «малолетку» попадают от 14 до 18 лет, и в моём отряде их 112, и за каждым из них своя особая изломанная и исковерканная судьба.

В небе над говорящими продолжало выписывать немыслимые картины северное сияние.

– Хорошо, – нарушил недолгое молчание прапорщик, – но объясни мне, вещи-то свои из дома на кой леший тащишь к своим малолеткам?!

– А, это ты про видак? – посмотрел на него Петров, – так ведь сам понимаешь, наш зоновский видеоплеер сломался, а ребят без хороших умных фильмов я оставить не мог. Это я по должности начальник отряда, а так я для них и отец, и воспитатель, и психолог, не зря они меня батей называют, у многих из них и отцов-то не было!

Посмотрев на окна колонии, где в это раннее утро тихо и мирно спали-почивали его питомцы, капитан содрогнулся: из форточек спального корпуса, как из печных труб, валил густой едкий дым!

– Мать твою, пожар! – увидев задымление, ахнул прапорщик, – Горим, Василий Николаевич, что делать?!

– Срочно пожарных и медиков вызывай! – коротко приказал капитан, – Я в отряд, детей спасать надо!

С этими словами работники юстиции зашли в служебное помещение проходной.

– Только смотри, Николаич, чтобы не побежали твои, – выдохнул прапорщик и выразительно посмотрел на автомат Калашникова, лежащий на столе, а то ведь я меры приму, по инструкции!

– Попробуй только, – сурово посмотрел на прапорщика капитан, – знаешь, куда я тебе твой автомат тогда засуну?! Немедленно пожарных и медиков, а я в отряд!

С этими словами капитан бегом направился к своему отряду, где из окон, кроме дыма, уже показались первые язычки всепожирающего пламени огня. Прибыв на место, вместе с дежурной сменой капитан Петров стал выводить, спасая от неминуемой гибели, своих малолеток. Едкие клубы дыма мешали дышать, и буквально задыхаясь, капитан в кромешной туманной дымной мгле выводил из помещения отряда своих воспитанников.

Тяжело дыша, как загнанная лошадь, в очередной раз он выскочил на улицу, жадно хватая, как рыба, чистый воздух. Форменная одежда капитана была в копоты от дыма и дырках от огня, нос и рот были пропитаны и забиты едким и вонючим запахом гари страшного костра, который разгорался сейчас в спальном корпусе отряда.

Петров с тревогой осмотрел спасённых, все ли на месте, или остался кто?

– Так, – прокашлявшись от ядовитого дыма и гари, хрипло спросил у погорельцев капитан, – все вышли?

Из большой толпы, гораздо более ста человек, отозвался рыжий, весь в рыжих конопушках, 14-летний Юрка Фрозенков: – Да, все вышли, батя, не беспокойся!

– Батя, Василий Николаевич! – кашляя и чихая, как-то по-детски, от дыма, обратился к нему воспитанник Васька Северов, – в телевизионной комнате, кажись, Петька Фролов спит, день рождения у него был, а вы разрешили ему ночью видик посмотреть, так он не вышел...

Не дослушав своего воспитанника, капитан Петров бросился в открытое пламя, вырывающееся из дверей спального корпуса колонии. К счастью, телевизионная комната, или как её называли иначе, кабинет психофизической разгрузки, находилась недалеко от входа. Пробираясь буквально на ощупь в клубах дыма и пламени открытого огня, Петров нашёл кабинет психолога и почти вслепую зашёл туда.

– Петя, Фролов! – хрипло позвал офицер, – Ты здесь?

– Да, – плачущим голосом отозвался воспитанник Фролов, – я идти не могу, когда начался пожар, и все наши побежали спасаться, так и я дёрнулся на выход, но неудачно упал, ногу я, кажись, сломал...

– Ничего, Петя, – ободрил мальчика капитан Петров, – ничего, я здесь... вынесу я тебя...

С этими словами, тяжело закашлявшись, офицер неловко взял к себе на руки своего воспитанника, как родного сына, и, пошатываясь, как пьяный, пошёл к выходу.

Идя на блистающий где-то в конце дымной завесы свет, капитан не чувствовал, как у него плавилась от нетерпимого жара волосы на голове и кожа на теле, как горели ноги, капитан

не чувствовал ничего, он знал лишь одно, что ему надо идти, и идти не останавливаясь, любой ценой.

– Лишь бы дойти, – вспышкой молнии била одна и та же мысль в голове капитана Петрова, – только бы не упасть, иначе не встану!

С этой мыслью, вынося на руках притихшего воспитанника Фролова, капитан с огромным трудом вышел из здания на морозный воздух, и бережно передал спасённого мальчика на руки подбежавшим воспитанникам. После чего, тяжело закашлявшись, пошатнулся и упал на снег. Послышались звуки сирен, и в детскую колонию въехала целая вереница пожарных и «скорых», с разгоняющими утреннюю тьму, включёнными проблесковыми маячками и надсадно ревущими сиренами.

Подбежавшие медики и воспитанники колонии бережно положили на носилки потерявшего сознание капитана и спасённого им Петьку Фролова. После чего, взыв сиренами, спецмашины «Скорой помощи», быстро выехали из колонии.

За машинами медиков бежали, плача навзрыд, все воспитанники детской колонии, которые на бегу кричали: – Батя, не умирай, батя!

У ворот КПП стоял потрясённый старший прапорщик Юденков, словно застывший в отдании воинской чести машине, увозящей капитана. По щекам старого служаки, не таясь, текли слёзы скорби и радости, а на служебном столе грозно поблёскивал ненужный автомат Калашникова, а в небе над спасённой детской колонией всё также играло и переливалось всеми цветами радуги, ненужное уже и неинтересное никому северное сияние.

Постовой Рассказ

*Сотрудникам
патрульно-постовой службы,
нашим при исполнении служебных обязанностей
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Одиноко маячила на перекрёстке фигура усталого человека.

И хотя в этот тёплый июльский вечер время дежурства у сержанта милиции Иванова подходило к концу, всё равно ему было как-то неуютно и тоскливо. Сержант не торопясь посмотрел на часы: ещё немного и его очередная патрульно-постовая смена позади. Дома ждала ласковая жена Любаша, да трое ангелочков-сынишек, мал, мала, меньше.

Внезапно ожила и угрожающе зашипела его переносная радиостанция, из динамика которой послышался голос дежурного по райотделу: – Двенадцатый, двенадцатый, на связь! Серёжа, Иванов, ответь!

Привычным движением милиционер щёлкнул манипулятором радиостанции: – Да, на приёме двенадцатый!

– Сергей! – Иванов услышал знакомый голос лейтенанта Кравцова, – У ресторана «Надежда» пьяная буча, алкашня нормальным людям мешает отдыхать, хулиганят! Автопатрули я подтягиваю, но не успеют они, Серёжа... Ты поблизости, помоги людям, пожалуйста!

– Вас понял, исполняю, – привычно ответил постовой и грустно улыбнулся, – да, не было печали...

И хотя время его дежурства практически подошло к концу, сержант заторопился к увеселительному заведению, где и в самом деле гуляющей в ресторане свадьбе мешали отдыхать и приставали местные пьяные гопники, шпана, если кто не понял. Прибыв на место происшествия, благо оно было недалеко, сержант содрогнулся: у ресторана при свете редких тусклых уличных фонарей разыгралась целая баталия, драка, если проще говоря. Было видно, как на вышедших из ресторана подышать чистым воздухом жениха и невесту, которая явно была в положении, и их близких, напала местная шпана. Так бывает, слово за слово, первый удар, и вот она – первая кровь пролилась.

Но сейчас, а это сержант видел чётко, преступники избивали не только жениха и его близких, но даже невесту. Подбегая к месту происшествия, сержант Иванов увидел, как местный буян-хулиган Петухов в пьяной удали саданул ногой прямо в живот беременной невесте, облачённой в своё белоснежное платье, которая охнув от его удара, плавно и медленно опустилась на асфальт.

Лихо влетев в кучу дерущихся, первым делом сержант разнял разбушевавшихся людей и пристегнул бандюгу Петухова наручниками к себе.

И вовремя: потому что преступник пытался ударить невесту чем-то блеснувшим в его руке. В ту же секунду сержант почувствовал острую резкую боль в боку и успел увидеть, как в руке у Петухова мелькнул выкидной нож. Умелым движением сержант выбил у преступника его оружие.

Как-то сразу из его раны по его светло-синей милицейской рубашке тонким ручейком потекла кровь.

Такая красная-красная.

Чтоб не тревожить окружающих, сержант прикрыл рукой свою рану. После чего попросил унести невесту, до сих пор не пришедшую в себя, в ресторан, и вызвать «Скорую помощь».

Двери ресторана широко раскрылись и оттуда выскочила разъярённая толпа пьяных гостей свадьбы. С воплями «наших бьют!» они подскочили к сержанту и не видя даже его раны, а видя, что из злодеев на месте преступления остался только один, тот, что был скован с сержантом браслетами наручников, толпа захмелевших людей требовала милиционера немедленно отдать им на расправу негодяя, посмеявшегося ударить невесту.

– Спаси меня! – загнусавил в хмельном плаче протрезвевший вмиг бандюган, – Не отдавай меня им!

Потные, пахнущие алкоголем и дышащие злобой люди, стеной обступили сержанта, не замечая, как кровь с его рубашки стекала уже на асфальт. Пытались бить и плевать в преступника.

Правда вот их удары и плевки почему-то доставались бедному сержанту, но что поделаешь, есть такой долг у милиции – Родине служить!

Почувствовав, что у него плавно начинает отключаться сознание, сержант рванул из кармана своё спецсредство – десятую «Черёмуху», и круговым движением создал облако слезоточивого газа вокруг себя, и крикнул, теряя силы: – Всем назад!

Толпа дрогнула.

– Назад, я сказал! – едва ли не плакал в отчаянии постовой сержант, – Люди ли вы?!!

Вконец озверевшие люди отступили.

Победной музыкой послышались звуки милицейских сирен, и к месту происшествия подскочило четыре патрульных УАЗА. На троих красовалась надпись «Патрульно-Постовая Служба Милиции», на четвёртом грозно блестел «ОМОН». Вслед за ними с включёнными маячками и сиреной подъехала «Скорая помощь».

Только сейчас толпа заметила кровь на работнике милиции и стыдливо замолчала.

Упавшего на руки своих товарищей и потерявшего сознание сержанта Иванова положили в «Скорую», где на него с тихой любовью и каким-то сожалением, роняя свои слёзы на пол машины, смотрела спасённая им невеста, ласково поглаживая рукой не рождённого ещё Человека.

Пристав Рассказ

Не светило солнышко через зарешечённые окна мирового суда, что в городе Копейске Вологодской области. Вдохнув, судебный пристав Ваняткин разочарованно отошёл от окна: ну не желает светило заглянуть к ним в гости и обходит их стороной! Что ж тут поделать. Да и должность у Ваняткина Ивана Сергеевича, сорока лет от роду, была не просто пристав, а аж целый судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов УФССП по Вологодской области. С утра от домашних хлопот и болезни сынишки болела у Ивана Сергеевича голова, то одно, то другое, наш читатель поймёт, что не просто, ой как не просто быть приставом в наш суматошный двадцать первый век!

Впрочем, жаловаться Ваняткину особо было не на что, жизнь текла и, как говорят, была ключом, и иногда даже по голове. На слушание по бракоразводному процессу подтягивались его первые участники: вечно обиженная своим мужем-пьяницей и драчуном разбитная девка Ирка Клевакина, пришедшая зачем-то со своими маленькими детьми и несколькими своими подругами в качестве боевого подкрепления. Чуть позже подошёл и сам Васька Клевакин с какой-то опухшей от постоянной пьянки физиономией, на которой выделялись хитро и блудливо бегающие серые глаза.

Пристав Ваняткин мысленно вздохнул: «Вот и ещё один рабочий день наступил, такой же серый и унылый, как и все предыдущие».

Из своего кабинета выглянул мировой судья Стафеев и приветливо глянул на Ваняткина: – Приглашайте, Иван Сергеевич, на слушание дела супругов Клевакиных.

Кивнув головой в знак согласия судье, дисциплинированный пристав пригласил в судебный зал заседаний разводящихся супругов Клевакиных. В зал прошли Клевакина с детьми и своими свидетелями-подругами, а также грозно улыбающийся пьяница Васька Клевакин, после чего двери зала заседаний плавно закрылись за вошедшими. Пристав Ваняткин сел за свой рабочий стол, что находился неподалёку от входных дверей в здание суда и полностью ушёл в свои грустные думы. Да, дел невпроворот, доставляли беспокойство болезнь сына, извечная нехватка денег вследствие маленькой зарплаты и невозможности подрабатывать, да и кредит висел на нём, точно дамоклов меч, и не успокаивалась пилящая его день и ночь стервозажена. Короче, всё было как у всех, хоть и понятно, что у кого-то лучше, а у кого-то наоборот. К тому же его начальник по работе требовал с него, с Ваняткина показатели и протокола на нарушителей, а какие у него могут быть показатели и протокола, чай не патрульно-постовая служба! Пристав презрительно усмехнулся и задумался.

Внезапно внимание Ваняткина привлёк какой-то гул и шум, доносившийся из зала заседаний. Так и есть, опять этот Васька Клевакин номера откальвает! А ведь был мужик ничего: и непьющий, и работающий, одно слово – первозрядник-боксёр. Его наш пристав помнил ещё по горячей точке, когда вместе служили, хоть и в разных, но в десантных подразделениях доблестной Армии. Был такой период в жизни и у нашего героя. Правда вот потом женился десантник Клевакин, дети пошли, казалось бы, живи да радуйся, но нет! Попалась Ваську жёнка в тыщи раз хуже его Зинки, и пилила и низводила мужика так, что он и подсел в итоге на стакан. А мог бы и не подсесть, если любила бы его Ирина, правда вот где она, любовь-то?! В зале продолжали шуметь. Из открывшихся дверей зала выглянул раскрасневшийся судья Стафеев: – Иван Сергеевич! Угломоните хоть вы этого хулигана Клевакина!

Пристав вместе с судьёй зашёл в зал суда.

Это надо было видеть: на судейском столе грозно притоптывая ногами стоял не протрезвевший ещё буян Васька Клевакин и кричал жене: – Ты послушай, я же любил тебя, и как ты

смогла сделать из меня чудовище, законченного и не просыхающего алкаша?! Пилишь, пилишь «работы нет у нищоброда», а тебе интересно, что нищоброда сократили на работе и выкинули на улицу?! Тебе интересно, что я стал такой вечно пьяной мразью из-за тебя?! А ведь когда-то...

По грязным и небритым щекам Васьки Клевакина текли гневные слёзы боли и отчаяния. Выдохнув коротко как-то: – Да пропадите вы все! – Клевакин дрожащими руками достал из кармана ручную гранату и зло выдернув чеку, бросил её на пол в аккурат на середину зала суда.

В зале повисла изумлённая в своём ужасе тишина.

Словно бы решив для себя что-то очень важное, посмотрев перед этим на детей Клевакиных, пристав Ваняткин оттолкнул в сторону опешившего судью, бросился на гранату и закрыл её своим телом.

Ахнул гулкий взрыв.

Тело Ваняткина вздрогнуло: казалось бы воспарило к небу, но тут же повинуюсь законам гравитации, опустилось на пол, заливая его своей кровью.

Испуганно и тревожно заплакали дети, словно бы проснувшись от какого-то дурманящего сна, заверещали бабы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.